

Лес

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Георгий Панкратов

18+

Георгий Панкратов

Лес

«Автор»

2020

Панкратов Г.

Лес / Г. Панкратов — «Автор», 2020

Молодой мужчина, уставший от ссор с женой, решает бросить все и уехать за город, в лес, чтобы побродить в тишине и спокойствии, обдумать собственную жизнь. Гуляя по лесу, он натывается на странный дом. Человек, похожий на лесника, приглашает войти внутрь... Так герой попадает в странный мир, в котором окружающая действительность постоянно сменяется, словно калейдоскоп. Ему предстоит побывать в совершенно неожиданных и невероятных местах для того, чтобы выбраться из таинственного леса и вернуться в реальность.

© Панкратов Г., 2020

© Автор, 2020

Георгий Панкратов

Лес

ЛЕС

(Приключения разума)

– Я уезжаю, потому что меня все достало, вот почему! И ты достала, и твое вот это вечное поведение, твои претензии, твое настроение дурацкое! Все ей не так, блин! То я хочу ехать, то не хочу ехать, то мне нравится, то не нравится, ты... Ты на себя посмотрела бы, послушала бы вот себя... со стороны.

– Это ты бы послушал. Это именно ты сейчас не можешь свои претензии даже внятно выразить. О чем тогда говорить вообще?

– Да ни о чем! С тобой – ни о чем! С тобой поговорить не о чем. Вечно твое настроение, вечно тебя что-то не устраивает, мозг выносишь мне... Рожа вот эта!

– Рожа! Это у меня-то рожа? Вот после этого нам точно не о чем говорить! Это ж надо сказать такое – рожа! Язык повернулся. Это ты бы в семейке своей говорил вот так – рожа!

– Семейка моя, между прочим, это уже давно ты. И они вон. Вот она – моя семейка, в ней и говорю!

– «Они». Нет, это надо же, они! То есть твои дети для тебя – это «они»? Так вот, еще бы ты при них так говорил. Воспитывай детей давай, как сам воспитывался! Про мать говорить – рожа...

– Послушай, ну рожа – не рожа. Какая, в конце концов, разница! Ты ведь прекрасно понимаешь, о чем я говорю... Почему вот это все, оно... вот это – происходит! Ну что ты к роже-то цепляешься, а главного не понимаешь.

– Так рожа – это главное и есть. Такой вот ты, весь в этом – рожа! И еще удивляется.

– Да эта рожа... Господи, ну сколько ж можно! Допекла просто, вот и рожа. Не допекай – не будет рожи.

– А чего допекла-то, детей одна воспитываю, тебя вечно нет, если приходишь вообще, появляешься – «так устал я, не хочу то, не хочу это». А надо!

– Так, чтобы в моем вот доме...

– «Моем вот доме»! Ты эту квартирочку называешь домом?!

– Да хватит цепляться за каждое слово! Квартирки ей мало! Зато все свое, живем в собственном, блин, жилье! У детей своя комната, все, блин, удобства есть. Ну ты чего, зажралась совсем, что ли?

– Зажрешься тут...

– Ты вот не понимаешь... Вот именно этим и бесишь.

– А ты внятно скажи, что тебе не нравится. А то все охаешь да ахаешь, ты даже, вон, сказать не можешь, все руками разводишь, глаза пучишь. Ты не думаешь, как это выглядит смешно. Мужик, так и держи себя в руках!

– Послушай, я держу себя в руках двадцать четыре часа в сутки. Но вот когда такое дома... Да, чего там говорить, не понимаешь – не понимай. Ты меня достала, именно ты!

– Ну так ищи себе другую, если достала, здесь все, знаешь, просто.

– Да, и квартиру другую, и детей, главное, других!

– Ну а как ты хотел! Что, думал, в сказку попал?

– Ты... Твою мать. Это твое вот «в сказку попал»... Кто придумал эту дурацкую фразу, какой идиот? Я ее еще со школы ненавидел.

– Да, у тебя, знаешь, все идиоты, один ты д'Артаньян!

– Да—да—да, и вот эта бесила! Ты специально все делаешь, говоришь, что меня бесит!

– А у тебя в каждой фразе – все идиоты, все бесят тебя, всех ненавидишь. Отношение к жизни менять надо, мысли!

– Ты мне вот не разводи свою вот эту... популярную психологию. Для лохов. Как меня достало твое вот это цепляние к словам, твое умение выбесить, просто мастерство. К мелочам цепляешься, а главного не замечаешь. Вот честно тебе... порой все, что ты говоришь, бесит! И даже твое это «трахни меня» невпопад, вечное – даже это достало.

– Не трахай, проблем-то. Мозги, главное, мне не трахай.

– Так ведь с этого все начинается. То, что ты мне трахаешь... Не делала бы ты это – так я бы вообще молчал.

– Вот и молчи лучше. Мне, думаешь, не надоело все? Мы вообще не понимаем друг друга, мы как чужие, понимаешь, чужие!

Жена сжала маленькие кулачки, что было силы, и зажмурилась, приготовившись ударить, оттолкнуть. Она не хотела его ни видеть, ни слышать больше – по крайней мере, в это самое время, здесь и сейчас, в настоящем – а дальше? Дальше, конечно, будь что будет. Так она отвечала себе после каждой ссоры.

Подходил к концу первый день отпуска.

– В общем, так, Ракитский, собирайся и едь, куда там ты хотел, бог с тобой, – она пожала плечами, села возле окна и вздохнула, изображая сильную усталость. Выглядит она действительно утомленной, подумал муж, если не сказать изможденной. «Может, оно и лучше было бы, – подумал он. – Разойтись, развестись», но жена прервала его раздумья:

– Да вообще не приезжай, понял?

– Я поеду в лес, ты же знаешь.

– Знаю, – жена приоткрыла окно, и теперь с каждым словом выдыхала теплый пар, куда-то за пределы их личной территории, в холод темного города. Теперь и город знал, что происходит в маленькой семье, в крохотной квартирке. Именно этот город и осточертел главе семьи, хотя он любил его, но временами не выдерживал. А однажды пришел к выводу: вот именно так же происходит и с женой. Один и тот же принцип.

– Я устал, понимаешь, устал, – повторял он будто заклинание, давно утратившее магическую силу и от того звучащее просто глупой комбинацией звуков, скорее для того, чтобы просто что-то сказать, успокоиться. Ему казалось нелогичным и противоестественным, что вот он сейчас сказал: «Поеду в лес», жена ответила: «пока», помахала ручкой, и он уехал. Нет, нужно же толково попрощаться, как-то смягчить послевкусие ссоры – *послессорие* это.

– Слышала уже.

– Мне надо немного развеяться. Это нам обоим...

– Езжай уже! – раздраженно прервала жена, и он понял, что сгладить не получится. Да и разве так сгладишь? Но что еще говорить, не знал. Он махнул рукой и развернулся, почему-то представив, как эта сцена выглядела бы в каком-нибудь дешевом сериале, например, на канале «Россия», где на вздохе и жесте сакцентировали бы все внимание зрителя, и сморщился, представив себя зрителем такой вот сцены. Но он не был зрителем, а был участником, и от этого вдруг стало еще паршивее. Закрыв дверь и зашел в лифт.

«Нормально отпуск начинается, – раздраженно думал он, глядя на себя в зеркало: дорогой спортивный костюм, теплый фирменный пуховик, непромокаемая обувь известного бренда, которому доверял, сумка через плечо – для самого необходимого. А что ему может быть необходимо? В сумке лежали джемпер и шапка. «Шапку надену, сумку оставлю в машине. И катись оно все...» Раздражение не спадало. Он смотрел в зеркало и отчетливо убеждался, что во все эти приличные, вполне себе, как он говорил, «здоровские» шмотки, словно бы вставлен, как пугало на палке, совсем не соответствующий им человек. Взъерошенные волосы, красные глаза с огромными мешками, потный лоб со вздувшейся веной. А ведь он должен быть доволен. Но он – недоволен.

Идя к машине, Ракитский плевался в снег, как малолетний гопник.

– Какой там начинается, – он опять вспомнил про отпуск и вспомнил, кажется, вслух. – Всего-то одна неделя, а потом опять двадцать пять... через семь. Одна лишь чертова неделя, с гулькин... – тут он выругался. – И надо что-то делать.

От мысли, что надо что-то делать, он окончательно мрачнел. Ему и отпуск-то был нужен, он мечтал, считал секунды – разве для этого? Конечно, нет, а для того, чтоб ничего – вообще! – не делать. А тут – надо делать. Какой же это отпуск? Так и не заметит, как снова нужно будет на работу. Он хотел добавить эпитетов, раскрасить, так сказать, работу в мыслях, попинать ее, как грязный снег ногами, но не стал этого делать. Все-таки именно работа дала ему возможность быть тем, кем он стал. И не будь этой работы, не было бы ничего – ни самого отпуска, ни автомобиля, к которому он шел, ни квартиры (квартирочки, вспомнил он, усмехнувшись), ни спортивного костюма даже, в котором шел. Не говоря уж о жене – и даже возможности ссориться с ней в залитой приятным светом кухне. Он сам стал работой и, думая о ней плохо, он думал плохо в первую очередь о себе – популярная психология, которую любила жена, может быть, в чем-то и права.

Но мог, в конце концов, не думать. У него было куда поехать – в лес. Сколько раз, сколько же чертовых раз за последний год он хотел бросить все на свете и бежать в этот лес, идти к нему пешком или ехать на электричке, а потом на автобусе, ползти (когда бывал пьяный). Но не хватало ни времени, ни сил – все время дела: то рабочие, то денежные, то семейные, то еще какие они там бывают... У него, казалось, не бывало больше никаких. А ведь существовало такое важное и требующее внимания, требующее времени дело – поехать в лес и просто побродить там, вслушаться в тишину, всмотреться в сомкнутые над головой хвойные лапы, в скупое зимнее солнце. Полюбоваться – а точнее, потупить, уставившись в одну точку, – собственными следами на нехоженном, совсем не городском снеге. Вспомнить, в конце концов, детство, маленькую елочку, которой холодно зимой – и почувствовать себя вдруг сентиментальным, жалея ее и себя, закрыв глаза варежкой и потирая замерзший нос.

Ну а если лето... Что ж, нашлось бы чем заняться и летом. Муравейники всякие, птички, может быть, там, в глубине леса, есть озеро – он же не знал. И летом в лесу чудесно. Но летом не получилось – они ездили на Бали, где, как пел Шнур, все его и ... провели, в общем. Но даже там иногда вспоминал о лесе.

Дом, где он жил, находился на отшибе – район новый, раньше здесь ничего не было. Его дом стоял последним в ряду новых домов, и сразу напротив высилась стена, за которой начали, да так до сих пор не успели закончить новую стройку. Маленькую дорожку между подъездами и забором, где не могли разъехаться даже два автомобиля, сложно было считать улицей, но тем не менее, это была улица, которая освещалась редкими фонарями, а в свете фонарей кружился снег. И за этим великолепием, сонный как муха, наблюдал Ракитский сквозь лобовое стекло. Ему предстояло проехать по этому «тоннелю», свернуть на нормальную дорогу, потом на широкий проспект, а с него уже – и на трассу. Ну а там – пара часов езды, и он окажется в соседней области, свернет, не доезжая до областного центра, к маленькому туристическому городку, обогнет его и проедет совсем немного по пустынной, теряющейся среди деревьев дорожке. Затем она разделится на две – куда уходит одна, он не знает, но ему и неинтересно, а по второй, выйдя из машины напротив сверкающего снегом огромного белого поля, не торопясь пойдет в сторону леса. И когда дорога совсем растворится, он замедлит шаг, раздвигая руками еловые лапы, и начнется счастье. Ну если не счастье, так хотя бы забвение – ведь второе так часто принимают за первое.

Но во всей этой идиллии была одна деталь, которая заставила Ракитского выругаться с досады.

– Полпервого ночи, – сказал он в тишине салона своего авто. – Я приеду туда в полпервого ночи. А то и в час. На фига? – сверкнуло молнией в беззвездном сознании.

Он еще раз взглянул на часы и твердо решил: «Завтра. Надеюсь, что не поссоримся, просто ляжем спать». Не спеша прошелся по «тоннельной улице», рассматривая крупные хлопья снега, обошел дом и зашел в магазин.

– Алкоголь еще продаете?

– Ну, – пробурчала хмурая продавщица и взглянула на него как на врага народа. Нет, пожалуй, как на личного врага.

«Сука», – зло подумал Ракитский, выходя из магазина и открывая банку пива. Вернулся в автомобиль. Снова вспомнил о жене.

«Вот работала бы она на кассе в дурацком «Перекрестке», – злорадно думал Ракитский, – тогда бы и узнала, что значит по-настоящему уставать. Живет как сыр в масле. Детей воспитывает, тоже мне проблема – воспитывать детей. Одному три года, другой – пять! Это тебе не шестнадцать, это тебе не наркотики там, не улица! Не школа даже. Че там, бля, воспитывать? Общается только с приличными людьми, и то редко. Не то, что в универе... Телек свой смотрит. Во жизнь-то! И никто к ней не подходит и не спрашивает ночью: алкоголь есть? Посмотрел бы я на нее...»

Бухать Ракитский любил. Хотя в силу своей постоянной занятости мог позволить себе очень редко. Пил, в основном, один – работа, вместе со свободным временем и другими, кроме бухла, увлечениями, забрала у него и друзей, и приятелей, да что там, собутыльников – и тех забрала. Правда и то, что он, желая отдохнуть, давно уже ни в ком не нуждался. Сейчас ему было тридцать три, и на последней дружеской попойке он присутствовал, если попытаться вспомнить, лет семь назад – как раз в те годы и познакомился с будущей женой. Будущее наступило очень быстро, и с тех пор, как оно наступило, жизнь Ракитского пошла с бешеной скоростью. Такой, что некогда было думать, а куда же она, собственно, пошла.

Но когда Ракитский выпивал, он был уверен: все движется в правильном направлении. Выпивал обычно после какого-нибудь дела, после решения проблем, казавшихся неразрешимыми. Работа научила его выкручиваться из таких немислимых ситуаций, находить такие нестандартные ходы, какие и представить, на первый взгляд, невозможно. Он столько раз был на грани, рисковал потерять если не все, то очень многое, подставиться самому и подставить, что самое страшное, людей, с которыми был в тесной связке – ведь он же не один работал, и не сам на себя, хотя очень хотел порой так думать. Собственно, это и стало его работой – эта необходимость постоянно выкручиваться, вытаскивать себя, как барон Мюнхгаузен за волосы, выкладываться на двести процентов, когда кажется, ситуацию уже никак не повернуть в свою пользу – а он это умел. И делал. Делал ради себя, ради семьи, ради комфортной и удобной жизни, в конце концов. Но семья была, комфортная жизнь была, и выживать, в принципе, не приходилось, а когда семья еще и начала трещать по швам, стимул для того, чтобы действовать на пределе возможностей, стало находить все сложнее. И тогда этим стимулом стало бухло – вечер в ресторане, или день, или пара дней дома беспробудного, всепоглощающего пьянства – так он заряжал свой «аккумулятор», чтобы потом его вновь разгонять до полной разрядки.

Так и жил. Самая тяжелая и омерзительная депрессия накатывалась тогда, когда все проблемы были решены, все ситуации спасены, «аккумулятор» полностью разряжен, а выпить, тем не менее, не получалось. Или жена наседала со своим шоппингом–жоппингом, или детей нужно было вести в какой-нибудь чудо-парк аттракционов, о котором они давно мечтали, или просто кто-то заболел, или назревало время очередного ремонта, или наваливались совершенно некстати проблемы с автомобилем, или просто возникали какие-то вредные, но неприятные, как писк комара, бытовые заботы. «Аккумулятора» на это уже не хватало, все без остатка сжирала работа. И нестерпимо, нечеловечески хотелось напиться. Но было нельзя.

А случалось и так: ситуация уже решена, вроде бы все вопросы закрыты, и вдруг возникают дополнительные, неожиданные совсем подробности, и приходится решать заново, затыкать, как пробойну на корабле. И нужно снова настраивать себя на борьбу, в которой уже

победил однажды, но вдруг оказалось, что нет – почему-то нет. Так было на работе, когда вскрывались какие-то новые юридические подробности, когда поставщики и партнеры кидали и передумывали, когда руководство компании резко меняло приоритеты и переключалось на другие условия игры, или когда финансовый кризис, лупивший как град по всем без разбора, раздолбил словно ветхие крыши домов, все его наработки, договоренности, связи, да и просто жизненные, не связанные с работой планы, задумки. Когда что-то нерациональное вторгалось в жизнь и заставляло снова отвоевывать то, что касалось завоеванным раз и навсегда. Больше всего в жизни Ракитский боялся нерационального.

Похоже, именно такая ситуация наступила сейчас в семье. Он женился, обеспечил жизнь, завел детей, жил в мире, дружбе и счастье и был уверен, что так будет всегда. А тут что-то треснуло, что-то порвалось по швам, а что и когда – он даже не успел заметить, не успел понять. Трещины становились все глубже, все длиннее. Ракитский долго отказывался их признавать и тем более – что-то делать. Ведь он же нашел жену, он создал с ней семью, и они жили – пусть и не без мелких проблем, но счастливо. А главное – он ведь работает, чтобы так было и дальше. Чтобы это не кончалось, чтобы все было хорошо. Он однажды все уже сделал, все устроил.

И вот теперь... Неужели придется все строить заново? По всему, выходило так. Кризис в отношениях с женой не проходил: непониманием, обидами, ссорами заканчивалась просто любая попытка поговорить. И даже старый, проверенный способ примириться перестал выручать.

«Трахни меня», – говорила жена, когда ей хотелось секса. Это получалось у нее так непринужденно, так естественно – в любое время суток и даже при любой обстановке, «погоде в доме», как пелось в старинной песне. Даже когда они были в ссоре и несколько часов проводили в холодном, натужном молчании, она могла позвать его в спальню, и когда он появлялся на пороге, предстать перед ним совершенно голой в какой-нибудь не оставляющей вопросов позе, громко и требовательно произнести:

– Трахни меня.

Ссоры ссорами, но трахаться нужно, объясняла она: секс – в первую очередь здоровье. А рисковать своим здоровьем в наше время слишком непозволительная роскошь. Иными словами, у нее возникала потребность, которую нужно было немедленно удовлетворить – в этом было минимум страсти, ноль похоти, это было домашним делом, вопросом, который надо *решить*. Ну, и он решал, конечно. Из тех вопросов, что ставила перед ним жизнь, этот был не самым трудным.

Жена всегда была такой. И в их первые годы жизни Ракитскому очень нравилась такая вот особенность. Вместо пошлых мурчаний, воркований или, еще того хуже, ролевых игр, без прелюдий, в которых он, к тому же, был и не силен – они сразу же переходили к сути, отбрасывая все лишнее как одеяло с обнаженных тел.

Но сейчас он впервые понял, что его раздражает эта дурацкая и совершенно некстати проявляющаяся рациональность жены. Это ощущение было новым, неприятным. Ему захотелось даже не выругаться, а просто махнуть рукой и, посмотрев на обнаженную жену внимательно – в глаза (именно в глаза), выйти из спальни и закрыть дверь.

Жена Ракитского (по его же мнению) не была лучшей женщиной на Земле, но она была хорошей – красивой современной женщиной, жительницей мегаполиса. Она пользовалась его благами в полной мере: ходила на фитнес, посещала салоны красоты, вела здоровый образ жизни. Ей нравилось ощущать себя в тонусе, в ритме города, она считала себя деловой и активной, хотя уже давно нигде не работала (да и о прошлой ее работе Ракитский не мог отзывать без ухмылки: так, что-то куда-то пописывала, какие-то передачи снимала. Разве ж это работа?) и ничем, кроме воспитания детей, не занималась. В чем проявляется ее активность и тем более деловитость, для Ракитского было загадкой. Но ему нравилось то, что у него такая жена, что они вместе – такая нормальная городская семья, занимающая не последнее, пускай

и астрономически далекое от первых, место в мегаполисе. Да и вообще в жизни. Порой он думал, что это чувство – оно сильнее, чем любовь, и уж точно гораздо важнее.

Все было б еще терпимо, не будь он таким уставшим. А устал он очень, очень сильно – невыносимо. В его трудовой книжке было написано «Директор по продажам» – запись скромная, в общем-то, он был обычным менеджером, продажником, если вдумываться в суть его занятий. Просто уровень, на котором все эти занятия происходили, – этот уровень был очень высок. Он был крупным менеджером в очень крупной компании. Международной, фактически – всемирной. А если допустить, что на других планетах жизни нет, как допускают это, например, организаторы конкурсов типа «Мисс Вселенная», тогда выходило, что Ракитский работал в компании вселенского масштаба, и занимал в ней – а значит и во всей Вселенной – далеко не последнее (хотя и астрономически далекое от первых) место.

И вот он лежал на одной кровати со своей современной ухоженной женой и тяжело дышал в потолок. Сполоснул рот и почистил зубы, но вкус паршивого пива не исчезал. Ракитский уже протрезвел и теперь пытался уснуть. Он было подумал, что жена спит, но едва стал проваливаться в сон, услышал ее голос, тихий, но твердый:

– А детям ты чего скажешь?

– Скажу, что уезжал. Что надо было.

– Ну да, – ответила жена медленно, – голову проветрить, или как ты там сказал. А тебе не кажется, что если голову нужно в лесу проветривать, ехать за тридевять земель для этого специально и шататься по сугробам, как медведь, – то это значит, что с головой-то не все в порядке?

– Дети отпуска ждали, как Деда Мороза, думали, хотя бы папашу своего увидят, а папаша берет и сваливает черт знает куда.

– Ну, я же на один день, к вечеру уже вернусь, – неуверенно сказал Ракитский.

– Один день отпуска, – так же монотонно говорила жена. – Сегодня один прошел, завтра другой пройдет...

– Все будет хорошо, – он попытался ее обнять, но та отстранилась.

Утро навалилось воспоминаниями: едва он открыл глаза и посмотрел в потолок, как тут же вспомнил весь вчерашний день – тягучую ссору, неудачную поездку, ощутил буквально повисшее в комнате раздражение. Ракитский захотел пойти в детскую, чтобы... А зачем, собственно, для чего? Этого он и сам не знал. Просто увидеть своих детей, своих собственных детей, по которым он так соскучился и которых так мало знает.

– Не буди, – коротко сказала жена, когда он приблизился к детской и, словно ребенок сам, приподнявшись на носках, заглядывал в щелочку двери. Жена прошла мимо него в халате, не остановившись.

– Доброе утро, – растерянно произнес Ракитский, но жена не ответила. Он прошел в ванную, умылся, с наслаждением обтер лицо мягким полотенцем и на какое-то мгновение зажмурился, уткнувшись в него носом, словно бы спрятался – или, наоборот, спрятал все, что ему мешало, что тревожило в последнее время. «Надо ехать, – подумал он. – Что тут задерживаться? Спрячусь вот так же в лесу. Окутаю себя лесом, как полотенцем. Пусть будет, что будет, но хотя бы один день...» Не успел додумать мысль, как в ванну резко постучали.

– Чего? – он недоуменно уставился на жену. Та прошла к унитазу, бросив на него неприязненный взгляд.

– Не один здесь живешь.

Ракитский повесил полотенце, посмотрел на жену. Она выглядела совершенно расслабленной: сидела, полуприкрыв глаза и будто прислушиваясь к журчанию тоненькой струйки, не обращая никакого внимания на Ракитского. Ее халат был расстегнут, длинные волосы падали на грудь. Он вышел в коридор.

– Ты едешь, нет? – спросил голос из ванной. Ракитский тихо выругался и пошел одеваться. Одежда лежала возле кровати: все те же костюм, пуховик, в коридоре подхватил вчерашнюю сумку. «Чего в машине не оставил?» Надел часы, про которые вчера попросту забыл. Часы подарил один европейский партнер. Долгое время Ракитский не разбирался в часах и особо не увлекался ими, но, «поднявшись», понял, что без этого статусного аксессуара не обойтись. И, словно по щелчку пальцев (а в те годы Ракитскому казалось, что так происходит все, он был на подъеме и только начал наслаждаться жизнью) – в довершение крупной сделки прямо в столице Австрии, крупный, известный на весь континент бизнесмен сделал ему подарок. Часы стоили очень дорого и были выпущены ограниченным тиражом, раскупленным и раздаренным друг другу бизнес-знаменитостями. Но каким-то невероятным образом европейский партнер добыл такие часы специально, чтобы подарить Ракитскому. Это был знак высочайшего доверия, и часы Ракитский считал лучшим подарком, который когда-либо получал. Ну, кроме рождения дочки, неизменно добавлял Ракитский, рассказывая об этом факте. А потом, после рождения сына – добавлял и про него. Но, так или иначе, с часами Ракитский практически никогда не расставался. В отличие от детей.

А интересно, мог ли он подумать тогда, на приеме в Вене, что спустя каких-нибудь несколько лет его главным желанием станет укрыться в лесу? И не в каком-нибудь... так скажем, венском лесу, а обычном, в соседней области, в лютый мороз, в редчайший день отдыха, оставив жену и детей? Что этот лес ему будет снится, будет манить, звать к себе. Что он, черт возьми, целый год не сможет нормально думать о чем бы то ни было, кроме леса?

– Часы-то тебе зачем? – спросила жена, выйдя из ванной.

– Халат застегни, – ответил Ракитский. – Считать время до нашей встречи буду.

– А, ну давай, со счету не сбейся, – она лениво зевнула и отправилась на кухню. Ракитский услышал, как зашумел чайник и открылась створка шкафа, загремела посуда. На кухне просыпалась жизнь. Похоже, решила не провожать, подумал муж: «Да ну и хрен с тобой»,

И вот уже выруливал в сторону широкого проспекта, проезжал мимо вчерашнего «магаза», с отвращением вспоминая баночное пиво и продавщицу, и настроение его улучшалось. Он включил музыку и спешно, желая скорее попасть в нужный ритм, прибавил громкость.

Начало первой части

Чай «Весна»

«А ведь когда-то мне казалось, что деньги решат все проблемы, – думал Ракитский, не отрываясь от дороги. – И можно будет ничего не решать самому. Но оказалось, не так. Когда-то я был готов на эти бесконечные разговоры, уговоры, выяснения отношений, на романтику, чтобы помириться... Мирись-миришь-миришь, и больше не дерись... Господи, что за глупость! А теперь что? Я не хочу ничего. Хочу просто отдохнуть. В лес хочу».

Он ловил себя на мысли, что хотел бы просто заплатить жене, чтобы та прекратила ссоры, чтобы он снова приходил домой и спокойно пил на кухне чай, а не выслушивал претензии и недовольства, не подбирал в ответ какие-то слова, которые все равно останутся бессмысленными, но только еще усугубят... Заплатил бы любую сумму. Не для того, чтобы поставить ее на место или унижить, не для того, чтобы подчеркнуть свой статус, о котором она забыла или который ее – вдруг – перестал устраивать. Нет, просто для того, чтобы решить проблему. Заткнуть дыру. Ведь многие же проблемы решаются деньгами. Так почему с этой так нельзя?

«Найду кукушку, спрошу, сколько осталось все это терпеть», – вздохнул Ракитский, и тут же подумал: а есть ли в этом лесу кукушки? А есть ли вообще зимой в лесу кукушки? И как они выглядят? Ну, с этим он, положим, справится – по звуку найдет. А все остальное – он ведь просто не знал. Перед глазами возникла картинка из социальной сети, где слева были нарисованы логотипы «Макдоналдса», «Найка», «Прада», и подпись еще была – «Назови бренды». А справа были листья. Обычные листья с деревьев – разных деревьев из леса. И

нужно было назвать деревья. Ракитский горько усмехнулся, на что и была рассчитана картинка. Но только лишь на минуту. «А на кой черт мне знать эти листья? Вот на кой, действительно, черт?» И сейчас, подъезжая к знакомой турбазе и завидев вдалеке, над низенькими домишками стройные высокие стволы, тянущиеся к небу, покрытые снегом массивные ветви, он услышал дыхание леса – ровное, размеренное, не подвластное никакому времени, как бы бешено ни крутились в разные стороны стрелки на его навороченных часах. И почему-то снова вспомнил ту картинку, и снова усмехнулся.

Он уже бывал на этой турбазе. Правда, называть ее турбазой не слишком правильно, ведь здесь стояли вполне современные загородные домики, отапливаемые, со всеми удобствами, с разным уровнем комфорта – эконом, семейный, бизнес, люкс – как полагается. Территория была ограждена и хорошо охранялась, для «своих» предлагались развлечения, пусть и нехитрые – шашлычная, два ресторана, игровые комнаты. В центре располагалась огромная горка для катания на ватрушках, и с самой ее ледяной вершины открывался вид на замерзшую реку, через которую был перекинут хлипкий мостик, упирившийся почему-то в решетку с надписью «Ход запрещен» (словно бы здесь ходили суда, а может быть, буква «В» просто состарилась и исчезла). А за маленькой речкой и мостиком открывался Лес.

Городской житель, Ракитский любил удобство и место отдыха – прошлой зимой – выбирал по этому критерию. Тогда он не думал про лес. Они с женой решили оставить детей и ее родителей, с которыми Ракитский и встречался-то лишь по этому поводу, и уехали на весь зимний отпуск сюда. О том, что дети остались в городе, оба скоро сильно пожалели – в их отношениях еще тогда наметился крен, и они начали ссориться, отдавая друг другу должное, видимо, за все те долгие дни, когда встречались только ночью,

сонные, в постели, и прощались чуть позже рассвета. Ракитский часто бродил один, смотрел на лес с другого берега и тосковал. Потом становилось очень холодно, он возвращался в домик, разогревал глинтвейн и тщетно пытался наладить отношения с женой. Но не получалось: что-то пошло не так, а когда – он и не заметил.

Но были и хорошие дни. Светило солнце, похрустывал снег, искрился и отражался в стильных очках жены, и она улыбалась, брала его за руку, и они бродили по тургородку, непринужденно болтая, как в год начала знакомства, обсуждая всякую ерунду, которая происходила в мире. Кидались снежками и часами проводили время на веселой горке, скатываясь на ватрушках. Накатавшись так, что сил уже не оставалось, покупали тот же глинтвейн, но уже в ресторане, зажигали свечи, смотрели в глаза друг другу, а потом переводили взгляд на окно и надолго смолкали. За окном высился лес, чернели ряды деревьев – они росли на холмистой местности, отчего лес и казался многоярусным, как назвал его, рассмешив жену, Ракитский. И над всеми этими ярусами всходила огромная полная луна.

– Какой исполинский лес, – сказала жена шутливо-устрашающим голосом.

– Пойдем, туда сходим, – предложил он неожиданно даже для себя.

– Нет, что ты! – жена рассмеялась. Глинтвейн раскрашивал их настроение в радужные, сочные цвета. Залить в него, как чернила в картридж, всю густую черноту леса было действительно отчаянным предложением. – Он нас съест.

– Пойдем утром, – предложил он и сам удивился собственной настойчивости: дался же ему этот лес!

Но утром они пошли. Пройти кратчайшей дорогой – по мостику – не представлялось возможным – вдоль противоположного берега реки тянулся решетчатый забор. Идти по заледевшей реке жена не хотела, и они отправились на поиски обходного пути. И обходной путь действительно нашелся, но, когда вышли из тургородка, протопали по пустынной извивавшейся, как змея, дороге – казалось, они дойдут до конца и обнаружат ее голову с ядовитым языком. Но вместо этого змея через какое-то время и вовсе раздвоилась: одна ее тонкая часть, совсем затерянная под снегом дорожка струилась в сторону леса, другая, потолще, напротив,

как будто убегала и от леса, и от любопытных гостей. Ракитский выдохнул – говорить на таком морозе совсем не хотелось – и махнул рукой в сторону снежного поля, которое открылось слева. Бесконечный снежный простор как будто сиял в свете зимнего солнца, а по его гладкой, нетронутой ни человеком, ни животными поверхности наверняка можно было бы скатиться, если сесть, как в детстве, на попу, до самого края земли.

– Смотри, – восторженно сказала жена, доставая телефон. На «краю земли», как определил для себя ту линию, где снежная гладь сходилась с небом, виднелась маленькая мельница. Должно быть, декоративная: не в самом же деле здесь мололи муку!

– Круто! – сказал Ракитский. – Интересно только, где река. Мы же должны были ее перейти, по идее.

– Иссохла, наверное, – сказала жена, согревая дыханием руки. – Пока нас ждала.

– Ну так чего, – Ракитский сделал пару шагов по маленькой дорожке. – Пойдем?

– А может, не надо? – жена сделала жалостливое лицо. – Я уже так замерзла, а если идти туда...

Ракитский постоял немного молча, смотря в сторону леса. Было обидно оказаться так близко, преодолеть такой путь, и не пойти туда. А с другой стороны – что он хотел там увидеть? Ну вот что? Ракитский и сам не знал ответа на этот вопрос. «Русская душа, что ли, зовет, – усмехнулся он. – Березки, все дела?»

Снегоходная дорожка уходила далеко в лес, поднималась, а затем сворачивала куда-то влево, в самую глубь, которую он уже не мог видеть. «Надо будет приехать сюда, – подумал Ракитский. – Да, обязательно нужно будет вернуться. Как только появится время».

Но времени больше не появилось – на следующий день они уехали. А лес остался. Остался в его мыслях. Лес звал к себе, манил, казался каким-то чудесным избавлением, пусть и тяжелым, и пугающим, вроде камня на шею. Лес был как будто живым. Это не сам Ракитский напряженно думал о лесе – это лес в голове Ракитского высился, рвался всеми своими ярусами: проломить ему череп, вырасти из его головы.

«Съезди уже, – словно говорил неизвестный голос в его голове. – Съезди и успокойся. Съезди и все будет хорошо».

Прошло больше года после тех дней, которые теперь казались такими счастливыми и солнечными. По мере приближения к лесу он избавлялся от лишних мыслей – а лишними были все. Ракитский сбавил скорость, медленно прокатился к домикам, над которыми поднимался уютный дым. Там жили счастливые люди, наслаждались друг другом, строили планы на день – а он проезжал мимо и только слегка улыбался: «Нет. Сегодня придется немного померзнуть».

Остановив машину, надел пуховик, шапку и вышел. Было морозно и солнечно, и совершенно безветренно. Все так же сияло снежное поле. Ракитский оставил машину и отправился по узкой дорожке вверх. Очень скоро ощутил, как тяжело идти.

Дошел до елок и громко выдохнул. Елки стояли вокруг, низенькие, неподвижные. Он смотрел на них и не понимал, испытывает ли что-то, и должен ли вообще что-то испытывать в этой ситуации. С женой, детьми, конечно, было бы проще. А тут стоит здоровый мужик, директор по продажам, один среди елок. Ракитский сплюнул и вышел на колею. Как и год назад, здесь словно только что проехал снегоход – дорога уходила резко вверх, в сам лес, и спускалась – в сторону туристического городка. Ракитский аж присвистнул – с того места, до которого ему удалось добраться, были видны и горка, с которой катались беззаботные отдыхающие, и дымящиеся домики за нею – там было счастье, кипела жизнь. А здесь, где он стоял, жизни не было – ни дуновения. Только мороз щипал щеки.

Лес начинался прямо здесь, рядом с Ракитским. Следовало лишь встать на «мышинный след» и сделать пару шагов. Но он не захотел заходить здесь, оттягивал встречу с лесом и решил углубиться в него, не сворачивая с дороги, проложенной неизвестным снегоходом. Справа и

слева высились крепкие деревья – они перемежались с разросшимися кустами, а где-то еще дальше начиналась темень – такие были густые заросли. Стало неудобно.

«И че я приехал сюда? – думал он, не сбавляя шаг. – Что мне здесь надо? Не, вот сейчас возьму и уеду. Дома даже лучше, чем здесь. А че еще делать-то? Можно поехать бухать, можно завалиться в какое-нибудь кино, игровой центр, черт его знает. Ну, а чего еще? Больше-то ведь и нечего».

Почему-то ему захотелось разжечь костер. Увидеть пламя, присесть, погреться. Но он, городской житель, никогда не разводил костров. Только шашлык в специально отведенном месте, на раскладном мангале, с розжигом и прессованным углем. Все культурненько. Да и чем он разожжет-то? Надо же, дурак, пошел в лес и не взял с собой спичек. Ракитский поворошил, словно воображаемый костер, предыдущую мысль, и отмел ее. Но почему-то вдруг ощутил, что стало теплее, захотелось расстегнуть куртку, стало тяжело дышать. Он посмотрел на дорогу и увидел, что она лишь слегка посыпана снегом, а он уже не шагает, тяжело погружая ноги в снежную гущу, а привычно идет по черной земле. И справа, и слева от него уже нет сугробов, и лес, кажется, поредел.

Прямо по курсу, на расстоянии нескольких метров от Ракитского, стоял дом. Дорога вела к единственному входу и заканчивалась возле него. Дальше было нагромождение веток, камней, засыпанных снегов бревен, а за ними начинался Лес во всей красе. Откладывать поход было больше некуда: либо отправляться дальше, либо ретироваться по той же самой дорожке, попутно ругая себя на чем свет стоит: мол, взрослый, семейный мужик занимается черт знает чем.

Он даже не сразу подумал, каким образом следы от снегохода могут вот так просто обрываться, без всякого разворота? А если снегоход приехал только сюда, то где он? Ведь глубина снега здесь была совсем небольшой. И что за дом такой? Может быть, здесь живет лесник?

Ракитский плохо представлял быт лесников, но дом среди деревьев не вызывал в его городском сознании других ассоциаций. Вот только странноват был дом для лесника – точнее, Ракитский сказал бы: великоват. Дом был кирпичным, выглядел новым и построенным очень добротно. А главное – он был двухэтажным. На втором этаже, как показалось Ракитскому, горел слабый огонек. Может, дом многоквартирный, подумал было Ракитский, но кому придет в голову приобретать здесь жилье?

«Да мало ли на свете долбанутих, – ответил он сам себе. – Взгляни на себя, хотя бы...»

– Эй, уважаемый, – услышал он спокойный, но довольно громкий голос. – Не откажи в любезности... Зайди, погляди...

От неожиданности, почувствовав странную покорность этому голосу, Ракитский машинально сделал несколько шагов вперед. Возле хиленькой деревянной двери, так контрастировавшей с остальным домом, стоял мужчина с бородой, в зимней шапке—ушанке и темных очках. Для дополнения образа не хватало только тулупа и валенок, да торчащей из кармана бутылки с водкой – так изображали «дремучих русских» на карикатурах, и такими – что уж с этим поделаешь – представлялись городским все без разбору лесники. Но на бороде и ушанке сходство заканчивалось – «лесник» был одет в обычные джинсы и вполне современную, даже недорогую – сразу определил Ракитский – куртку светло-синего цвета. На ногах – зимние кроссовки. Да и стариком он вовсе не выглядел: на вид лет сорок, не больше, хотя черт его знает – так оценил незнакомца Ракитский. Никаких следов алкоголизма в облике лесника он также не обнаружил.

– А что вы хотели? Чтобы я зашел в дом? Зачем? – крикнул Ракитский, приближаясь. – Да, я забыл поздороваться. Меня зовут...

– Да, – махнул рукой человек в ушанке и рассмеялся. – Кому в лесу важно, как тебя зовут...

– А вы не похожи на обычного лесника, – продолжил Ракитский. Подошел вплотную к человеку, поглядывая на покосившуюся дверь.

– Так и ты не похож на обычного лесника!

«Странный тип», – решил Ракитский, как решал всегда, встречая людей, не похожих на его деловых партнеров.

– А с чего это я – и вдруг должен быть похож на лесника? – спросил он.

– А я? С чего это я должен быть похож на лесника? – удивился человек в ушанке.

– Ладно, – раздраженно ответил Ракитский. – Вы что-то хотели? Да, кстати, это ваш снегоход?

– Снегоход? – опять рассмеялся «лесник». «По всей видимости, это какой-то уставший человек, – подумал про него Ракитский. – Как будто бы он только что проснулся и не знает, чем заняться». – Да я сам как снегоход, – ответил незнакомец. – И ты снегоход. Человек и снегоход, – подытожил он.

Ракитскому начал надоедать странный разговор.

– Послушайте! – резко, но сдерживая себя, начал он. – Вот и скажите мне, как... снегоход снегоходу – вы здесь живете?

– Нет, – как будто сокрушенно ответил человек и сел на лавочку, прислоненную спинкой к стене дома. Растянувшись на ней, он выдохнул от удовольствия. – Я здесь временно. Мы все здесь временно.

– Это вы о людях? – растерянно спросил Ракитский. Он не умел поддерживать подобные разговоры и не понимал, зачем их вообще поддерживать.

– Это я о нас, – сказал неопределенно «лесник». – Мы приходим, и мы уходим... Живешь здесь ты.

Последняя фраза поразила Ракитского как сильный удар в грудь. Такая фраза не могла предвещать ничего хорошего, она означала только одно: Ракитский встретился с ненормальным. И дай бог, чтобы просто с ненормальным человеком, а не с *ненормальным* – вообще.

– А-а, понятно, – как можно спокойнее сказал он. – Тогда все ясно, командир, вопросов нет.

– Ну, коли нет вопросов – заходи, – невозмутимо сказал человек в ушанке.

– Да ладно, – воскликнул Ракитский. – Вот так и заходи? А куда заходи-то? Зачем, главное?

– Ну а зачем ты в лес приехал?

– Так я приехал в лес, а не в дом к сумасшедшему! Что мне там делать?

– В дом к сумасшедшему... Ты, уважаемый, критичен к себе... – Ракитский смолчал. – Я свое дело сделал, встретил тебя, объяснил. Теперь – дело твое, делай его сам.

– Объяснил? Ни хрена себе объяснил! – почти крикнул Ракитский. – Мужик, я не знаю, кто ты там! Но ты... ты, конечно, очень странный! А если я уйду, вот развернусь и пойду обратно? На хрен мне ты и твой дом!

– Это твой дом, – произнес незнакомец. Ракитский понял, что спорить – только терять время.

– Ну, мой дом, – покорно повторил он. – Захочу и не пойду в свой дом. – Он произнес последние два слова, скорчив издевательскую рожу.

– Мне все равно, – все тем же ровным голосом произнес «лесник». Говорю же, это *ты* здесь живешь. Делай, что хочешь.

– Да уж... – тихо сказал Ракитский. Он достал телефон и машинально снял с блокировки. И только потом задумался. А кому и зачем сейчас звонить? Начальству – уточнить, не разыгрывает ли кто его? Жене – спросить, не покупала ли она случайно на хрен им не нужный дом в лесу за этот год, что их здесь не было? Да нет, что за ерунда! Конечно, нет. Да и сети в этом

месте не было – «ни одной палки», определил Ракитский. Он убрал телефон. Как и всегда в этой жизни, решение приходилось принимать самому.

Он взглянул на мужика с жалостью, брезгливостью и одновременно с тревогой. В его голове никак не увязывались образ сумасшедшего, вполне себе опрятный вид и неплохой, современный «прикид» этого человека. Вот если бы не дурацкая ушанка!

– Мужик, – осторожно начал Ракитский, – ну, ты кончай, это, ваньку валять. Объясни мне нормально, что тут к чему. Я, знаешь, не в этой вот теме: «мы все здесь временно», – передразнил он.

Но «лесник» не отвечал. Сидел, уставившись куда-то перед собой и не замечал, казалось, не только Ракитского, а и вообще ничего. Ракитский вспомнил компьютерные квесты, в которые играл еще в студенчестве – там персонаж двигался только пока говорил с тобой, а после, исполнив свою роль, замирал или вот так же сидел, покачиваясь.

– Черт с тобой! – воскликнул Ракитский и рванул дверь на себя. Та поддалась и внезапно, со скрипом, начала валиться на Ракитского. Он испугался и отскочил, и дверь тут же рухнула возле его ног, развалившись на гнилые доски и подняв пыльную труху.

– Твою мать, – поморщился Ракитский и украдкой взглянул на незнакомца. Тот сидел с таким видом, словно вообще не обратил внимания. После падения двери внутри дома стало светлее, и Ракитскому открылись внутренности странного жилища. Слева и справа располагались двери – цельнодеревянные, крепкие, в отличие от входной, с удивлением отметил Ракитский – и очень похожие одна на другую: даже ручки были одинаковыми. Отличало двери лишь то, что левая была заперта, а правая открывала взору помещение, служившее, по всей видимости, кухней. Прямо перед носом вошедшего – а иначе сказать нельзя, какой-то прихожей, коридора, или, как говорят «предбанника» совсем не наблюдалось – начиналась крутая лестница.

Ракитский вдруг ощутил, что ему стало жарко – температура в доме была значительно выше, чем на улице, но не только: она была выше, чем бывает в домах вообще. Он стащил с себя пуховик и повесил на крючок. Машинально, не задумываясь, дернул ручку закрытой двери слева, и убедился, что она заперта. «Чего заходи-то, если двери закрыты?» – проворчал он и взглянул на лестницу. Похоже, внутри дома все было сделано из дерева. Дом изначально деревянный, догадался Ракитский, его лишь снаружи обнесли кирпичом. Потому-то он и выглядит как новый, а так бы давно развалился.

Тяжелой поступью прошагал на кухню: полы нещадно скрипели, словно дому было больно, и он отзывался мученическим стоном на каждое движение посетителя. Очутившись на кухне, Ракитский неожиданно для себя вспомнил старое выражение «слон в посудной лавке» – и ощутил себя этим слоном. В доме все было каким-то маленьким, тесным; снаружи он казался куда просторнее. Крохотная кухонька, хотя здесь и не торговали посудой, была завалена ею от пола до потолка. Несколько старых столов с распухшими от сырости дверцами, которые еле сдерживались прибитой на хлипкий гвоздь бесформенной палкой, гнулись под тяжестью наставленной на них посуды. Тарелки, кастрюльки, тазики были покрыты не одним слоем пыли и подернуты столетней паутиной. Если этот мужик живет здесь в таких условиях, при этом покупая себе шмотки по последней моде, он, должно быть, очень странный тип, решил Ракитский.

Себя он ощущал «свидетелем посуды» – прежде не доводилось бывать среди такого ее скопления. Разве что в детстве, у родителей, которые собирали и бережно хранили посуду всех предыдущих поколений, считая ее наличие в доме показателем благосостояния, и сами не скупилась на разные наборы, сервизы и комплекты. Ракитский плохо помнил ту посуду из детства, отложилось в памяти только ее количество, которое все ж таки было гораздо скромнее в сравнении с тем, что он увидел здесь.

Но кое-что из увиденного его сильно удивило. Среди прочего бархла на глаза попался набор «Таежный», что стоял на самом видном месте, возле окна, не заваленный другой посу-

дой и даже не слишком пыльный. Несколько тарелок, чашек с изображением еловых веточек и шишек не представляли никакого интереса и уж точно никакой ценности для кого угодно на свете, кроме двоих людей – родителей Ракитского. Они получили такой набор, в свою очередь, от бабушки с дедушкой, которых Ракитский видел всего-то пару раз, – и берегли «пуше жизни своей», как сами говорили. Однажды не уберегли: гоняясь по квартире, маленький Ракитский опрокинул «таежную» чашку, и та дала трещину. Родители не давали спуска бедному ребенку несколько недель, и он на всю оставшуюся жизнь усвоил, что если и есть в жизни что-то вечное и великое, на чем держится мир и семья как маленькая модель мира, то это набор из двенадцати предметов за стеклянной дверцей серванта. Покусившись, пусть и невольно, на его целостность, Ракитский пошатнул мир. Мир тряся, раздвигая континенты и погружая города в толщу океана, но выстоял. Затем набор «Таежный» вместе с той самой склеенной чашечкой перекочевал в семью Ракитских. Он сам, да и жена долго отнекивались, но вскоре поняли, что родителям важно успеть передать реликвию по наследству – и сдались. Родителей вскоре не стало.

Ракитский не любил набор «Таежный», но для той самой треснутой чашки делал странное исключение – пил из нее чай. До тех пор, пока не грохнул, неосторожно моя в раковине. Когда это было? Вспомнить бы... Но вот здесь, перед ним – такая же точно, с трещиной, чашка. Он ясно видел ее, и остальные стояли здесь же, и шесть тарелок рядом с ними. Набор из двенадцати предметов.

Возле треснутой чашки, словно специально – вот только зачем: удивить? напугать? он называл такое «взять на понт» – стояла коробка с чайными пакетиками. Ракитский медленно, словно сжалившись над стонущим домом, подошел к чашке и увидел на дне кусок сахара. Плита была тут же – на две конфорки, рядом газовый баллон, и даже металлический чайник со свистком стоял на плите, будто бывалый специалист, скучающий без работы. Дом словно призывал к действию, совсем безобидному – просто выпить с ним чаю. Ракитский схватил пачку и поднес к лицу. На чайной коробке были нарисованы зеленые ветви и выглядывавшее из-за них солнце. Оно улыбалось и потягивалось своими маленькими, но крепкими лучами-ручками, и было очевидно довольным, чего желало и каждому, кому могла попасть в руки пачка. Поверх веток тянулась надпись: «Весна». Другой информации на коробке не было.

– Чай «Весна», – пробормотал Ракитский, откладывая упаковку. – Чай «Весна».

Не покидало странное ощущение, что он уже бывал здесь, но, сохраняя трезвый ум, Ракитский понимал: это невозможно. Он не понимал и не помнил, с какими событиями связаны такие ощущения, но знал, откуда они приходят, из каких областей прожитого vyplывают: из детства, из первых лет жизни с женой, из полуголодной юности. Ощущения сменялись как цветные лампочки в гирлянде: гасло одно и включалось другое, параллельно мигало, не переставая, третье, четвертое включалось сначала в комбинации с пятым, а затем – вместе с шестым и седьмым. Чувствовать себя такой гирляндой взрослому солидному человеку было неудобно: он твердо усвоил и никогда не ставил под сомнения тот факт, что эмоции никогда не могут возникать сами по себе, они являются следствием какого-то действия, события. Но здесь, на этой странной кухне, все было не так.

Стоя на месте и уставившись взглядом в посуду, он словно путешествовал во времени: вот он мальчик, впервые возвращающийся из школы после первого учебного дня, вот он – после первого успеха на работе, а вот – после недавней ссоры с женой. Словно один человек исчезает, и на его месте появляется другой, а на месте другого – третий, но это все же – Ракитский, а кухня лишь наблюдает за всем, неподвижная, только *играет* им.

– К черту, – сказал Ракитский, отгоняя наваждение. – Чай так чай.

Он зажег газ и нагрел воду, постепенно приходя в себя. Чай оказался не таким уж вкусным. Ракитский держал в руках треснувшую чашку и ощущал себя дачником – в его представ-

лении эти люди только и должны заниматься тем, что пить чай из треснувших чашек в заваленном всяким старьем доме и смотреть через грязное окошко в лес.

Отставив пустую чашку, Ракитский буквально приклеился взглядом к стеклу – казалось, он еще не видел лес таким: словно раскрашенный ярчайшими, сочными красками, он выделялся на фоне тусклой кухни, как выделяется картина художника-импрессиониста на однотонных обоях. А самым странным и удивительным казалось то, что лес был в движении. Ракитский не знал, как это понять и тем более объяснить – просто смотрел. Ему казалось, что он видит лес из окна поезда, но ехал в данном случае не он. Сам лес перемещался, перекачивался, словно морская волна или заставка на экране монитора. Лес не просто стоял, присутствовал – он *жил*. Но в то же время он и не был бесконечен, да и вообще в этой жизни, в этих приливах и отливах древесных, лиственных волн было что-то противоестественное, запрограммированное: как будто лес существовал только в рамках окна, исчезая с одной его стороны и вновь возникая с другой. И еще – там, в этой странной картине совсем не было снега.

Ракитский почувствовал прилив сил и отправился на верхний этаж. Вот где был простор, которого так не хватало на тесной кухне первого! Вся площадь была пуста, только возле окна стоял старый стул.

Дверь в комнату, располагавшуюся точно над запертой комнатой первого этажа, была приоткрыта, и на стекле ближайшего к ней окна Ракитский увидел всполохи. Мгновенную догадку подтвердил и нарастающий жар во всем теле.

– Горит! – крикнул Ракитский. – Горит!

Рванув на себя дверь, он вбежал в незнакомое помещение. Очаг возгорания искать не пришлось: это были бумаги – очень много бумаг и большие толстые папки, разбросанные по столу. Все они горели, но, казалось, медленней, чем обычно горит бумага. А ему приходилось сжигать бумагу – начиная от листов из школьного дневника и заканчивая деловыми расписками на работе.

– Эй, мужик! – крикнул Ракитский и хотел броситься к окнам, но все они были наглухо закрыты. – Мужик, твои бумаги горят! А, черт с тобой!

Он приблизился к бумагам в надежде сбросить на пол еще неохваченные огнем или вытащить – в общем, спасти. И тут же увидел нечто невероятное – чего в этом незнакомом доме просто не могло быть: его собственная подпись!

Ракитский попытался выхватить лист из огня, но тот, словно живое существо, зашипел – и Ракитский с криком одернул руку, на которой стремительно образовывался большой волдырь.

Ракитский не мог ошибаться, если только окончательно не сошел с ума: эту подпись он поставил на последнем договоре, подписанном перед самым отпуском. Он знал, хотя это и не обсуждалось с высшим начальством, что именно этим договором был обеспечен его отпуск. Предъявив подпись на сверхвыгодном договоре, он смог заполучить другую – на своем заявлении. Чтобы заключить этот чертов договор, Ракитский убил месяц непрерывных встреч, переговоров, официальных и совсем не официальных мероприятий, провернул несколько интриг – и теперь не мог вспоминать об этом договоре без дрожи и ненависти. Теперь же он видел договор горящим – и плевать, что это происходило в лесу, в странном доме, на чужом столе. Ракитский обезумел – он выхватил договор из огня голыми руками и, заорав от боли, бросил на пол, а затем начал топтать ногами, сбивая огонь.

– Твою мать! – кричал он в пустоту. – Суки, что ж вы делаете?! Я вам покажу, как играть со мной в дурацкие игры!

Немного успокоившись, Ракитский увидел, что договор рассыпался на несколько мелких клочков, каждый из которых либо был уже совершенно нечитаем, либо истлел с нескольких сторон. В любом случае, договор уже был бесполезен, и, как внезапно подумал Ракитский, юридической силы не имел. Он бросился к столу и принялся всматриваться в горящие бумаги.

Островки текста стремительно погружались в черную бездну, в океан тления, но те крохи, которые Ракитский сумел рассмотреть, приводили его в ужас. Вот договор, заключенный им во Франции – во время последней поездки. Вот соглашение о крупнейших поставках, достигнутое в конце прошлого года в Шанхае. А вот и... но этого просто не может быть... Из догорающей массивной папки торчал угол старой, пожелтевшей не от огня – от времени – бумаги, распечатанной еще на допотопном принтере. Самый первый его договор, после которого Ракитский слышал самые сладкие слова в своей жизни: «Ты принят!» Этот договор он хранил дома как талисман, заряженный на удачу, как свидетельство первого шага его большого пути... хранил точно в такой же папке. Да именно в этой папке хранил! В закрывающемся ящике рабочего стола, как главную ценность, в секрете даже от жены и уж тем более – детей, способных испортить дорогой сердцу артефакт. Но как же так?

Он бросился вниз, на кухню. Стонал от боли, как стонал скрипучими полами, по которым бежал, странный дом. Договоры были не просто бумагой – они были всей жизнью Ракитского. В этих подписях, в этих датах – все, что он успел в своей жизни сделать, все, чем мог свою жизнь вообще *объяснить*, и главное – обеспечить. Основа его благосостояния – именно она сгорала. Как слабоумный, трясущимися руками он схватил графин с водой и побежал с кухни наверх.

Но было уже поздно. Ворвавшись в комнату, Ракитский обнаружил, что договоры окончательно сгорели. Но сам пожар не кончился. Он просто перекинулся в другой угол комнаты – туда, где стоял шкаф со стеклянными дверцами. Обычный советский шкаф. Но теперь за стеклом полыхало пламя. Ракитский окончательно понял, что наступило время действий, а не размышлений. Не долго думая, швырнул тяжелым графином прямо в стеклянные дверцы в надежде расхреначить к чертовой матери стекло, чтобы оно, раскалившись, не ранило его осколками, и залить водой огонь.

Но эффект превзошел все ожидания: раздался оглушительный взрыв, и Ракитский упал, всем телом ощущая, как задрожали стены и полы дома, как ему – дому – больно. Чудом не задев Ракитского, по всей комнате разлетелись осколки стекла и куски подгоревшего дерева. Не решаясь встать, он протянул дрожащую руку к ближайшему осколку графина и увидел черные буквы, проступившие на поверхности фарфора:

«Ценность 40 градусов».

Только теперь, лежа на полу, Ракитский начал осматривать комнату. До того внимание концентрировалось только на очагах возгорания – столе, серванте. Теперь он увидел, что в комнате есть абакс и тревожно качающаяся после взрыва люстра, книжные стеллажи, есть цветы и картины – точнее, непонятные изображения. На одном из них Ракитский увидел лес – в точности такой же, движущийся и яркий, как видел в окне на кухне, только в совсем маленькой рамке. Всматриваясь в картинку, он не сразу понял, что она висит на двери.

Пожар в комнате продолжался – только разделился на несколько локальных очагов, которые теперь были повсюду – и, привстав, Ракитский смог увидеть, что именно горит. Ползая по полу и не решаясь подняться, он не верил своим глазам: горели монеты. Самые настоящие металлические монеты.

Конечно, он знал все – их было немного, но каждая стоила очень дорого. Монеты были действительно редкими, и большинство было ему подарено – за какие-то очень важные и серьезные услуги, а иногда – и за те самые заключенные договора. И вот – договора сгорели, настала очередь монет. Они стремительно чернели, а затем плавилась, а ведь такое было физически невозможно. Поэтому когда на его глазах самая большая монета растеклась на черные кипящие капли, и они укатились, словно по невидимым желобам, в разные стороны, у Ракитского полезли глаза на лоб.

– Это не со мной! – завывал, застонал Ракитский. – Это не со мной!

Он вскочил и, перепрыгивая горящие монеты, помчался к двери. Но не к той, которая вела к выходу, а к спрятанной в темном углу, с картинкой движущегося леса. Ракитский не хотел оставлять все это просто так:

– Я с вами сейчас разберусь, кто бы вы ни были! Слышите?! Эй, мудачье!

Никто не ответил Ракитскому, и он решил: это оттого, что враг испугался и притих. Деревья на маленьком изображении проносились с бешеной скоростью, и мельтешащие ветки сливались в однородный бурлящий фон, в котором уже сложно было что-либо разобрать. Ракитский заметил, что картинка висит на тонком гвоздике, вбитом в дверь, и, почувствовав внезапную силу и желание крушить, сорвал ее, со всей силы ударил о пол. Нагнувшись, поднял старую матовую фотографию, выпавшую из разбитой рамки. И то, что он увидел, вмиг смыло вспыхнувшую ярость, как струя холодной воды из душа: это было свадебное фото – его и жены. Молодожены с фотографии улыбались, а за их спинами, словно на непрофессиональном коллаже, зеленел неподвижный Лес. Ракитский зачем-то сунул фотографию в карман и толкнул плечом дверь. За ней был кабинет – самый обычный. Его собственный.

Поначалу он даже не понял, как такое может быть. Ведь его кабинет был слишком просторным, чтобы вместиться в этот странный дом. Но самым удивительным казалось то, что его настоящий кабинет был угловым, представляя собой что-то вроде буквы «Г», и сейчас Ракитский находился в короткой части. Оказавшись возле стола, Ракитский не поверил своим глазам. Кабинет был воспроизведен с потрясающей точностью, даже зарядка для телефона торчала из розетки под столом. Каким образом его кабинет смог стать такой органичной частью лесного дома? Словно весь дом и строился исходя из расположения и пропорций его городской квартиры. Но ведь быть того не могло! «А что, – затаив дыхание, думал Ракитский, – что из того, что случилось здесь, в принципе *может быть?*»

Повернув в зону отдыха, Ракитский снова встретился с огнем.

– Что за черт?! – выругался он, но как-то вяло: осознание полной невозможности происходящего придало равнодушия. Он посмотрел, как горит диван, трескается и плавится в огне дорогушая «плазма» на стенке напротив, как рвутся языки пламени из колонок стереосистемы последней модели. И плюнул.

– Должно ведь быть, должно быть объяснение, – пробормотал Ракитский и тотчас убедился в несправедливости собственных слов. Он мог бы поклясться, что ничего подобного не видел на «своем» рабочем столе, когда проходил мимо. Но теперь там лежала тонкая потрепанная тетрадка. Ракитский приблизился к ней:

– Нет, это уже слишком, – нервно произнес он.

Прикоснувшись, сразу одернул руку – тетрадка оказалась неожиданно горячей. Ракитский испугался: из-за огня в соседней части комнаты накалялся воздух, и ему, конечно, следовало поторопиться. Времени не было, но он хотел убедиться. Убедиться и бежать отсюда – скорее вниз, пока мужик с бородой и в ушанке еще сидит возле входа. Если сидит.

Перед ним была обычная советская тетрадка с зеленой обложкой, изрисованной разноцветными чернилами: красная звезда, футбольный мяч, велосипед... Он торопливо открыл тетрадку на первой же попавшейся странице, расправил вклейку – это был секрет №3, так гласила надпись на свернутом вчетверо листе.

«Мне нравится Марина... А вчера мне нравилась Лена, но я понял, что с ней мы просто друзья. А Марина красивая, сегодня я ждал ее возле дома...»

– Что за...! – воскликнул Ракитский, сминая лист. На разлинеенной странице тетрадки он прочитал надпись, выведенную аккуратным почерком:

*Когда я вырасту, то стану инженером,
А может поваром или врачом,
Бухгалтером иль милиционером,
Прекрасным рыцарем с мечом —*

*А может, буду вовсе я артистом!
Или, как мама, стану я детей учить,
Хочу, как папа – буду футболистом...
Так кем же, кем же в будущем мне быть?*

Ракитский отпрянул, шепча только что прочитанные слова: из последней строки, как будто бы из самой точки, составляющей знак вопроса, вырвался упрямым цветком огонь. И пламя, словно прокричав торжествующий возглас рождения в неведомый мир, тут же принялось его захватывать – течь по желобкам чернильных линий: «Так кем же» – вновь вспыхнуло перед глазами Ракитского, на мгновение ослепив. И он захлопнул тетрадку, которая тут же всецело отдалась огню.

– С меня хватит! – крикнул Ракитский на весь дом. Огонь быстро охватил рабочий стол и перекинулся даже на пол: оставаться здесь было больше нельзя. – Эй, мужик! Мужичок с бородой! Иди-ка сюда! – орал он, захлопнув дверь и направляясь к окну. – Потрудись-ка объяснить, что это все...

Но оказавшись у окна, Ракитский замер. Прямо перед домом стоял его джип. И автомобиль, конечно же, горел. Из салона вырывалось пламя, клубился черный дым. Ракитский дернул окно, но оно не поддавалось.

– Сто пятьдесят тыщ баксов, – шептал он в помутнении рассудка, сбегая вниз. – Сто пятьдесят тысяч...

«Кто мог это подстроить? – крутилось в голове. – Кто и зачем? Да и кто знал, что я поеду в этот лес? Ведь никто же не мог знать, кроме... Кроме жены?»

Дверь возле входа в дом – та самая, напротив кухни, теперь была открыта настежь, мешая ему выбежать во двор, к джипу. И за этой дверью, похоже, было очень горячо. Ракитский грязно выругался и уже приготовился ударить ее ногой – но не успел. Он услышал свое имя.

Кто-то звал его из комнаты.

Он дотронулся до двери, и та поддалась. В этот миг Ракитскому показалось, что остановилось время и исчезли все звуки на Земле. Только было очень жарко, но холод в груди, становившийся все сильнее с каждой минутой в проклятом доме, словно защищал от огня, не давал загореться самому. Ракитский почувствовал, что не может контролировать свои действия, он словно плывет – даже не плывет, а перемещается безвольным хлебным мякишем в молоке, которым стал окружающий воздух, и мягкая, но настойчивая сила придает ему направление, подталкивая в комнату, не давая увернуться, улизнуть.

Но все эти ощущения прошли, едва он оказался внутри.

Теперь Ракитский даже не мог с уверенностью сказать, что находится в комнате. Точнее, это была комната, конечно, но определенно не жилая. Назначения ее Ракитский тоже не понимал: в комнате не было ничего, кроме серого цвета. С выкрашенного серым потолка свисали массивные ткани того же оттенка, прикрепленные к нему совершенно непостижимым образом – Ракитскому показалось, что их держит сам воздух, он же пускает легкие волны, скатывающиеся до пола. Все это создавало невероятное ощущение «живых», дышащих стен. Пол, напротив, был тверд и не вызывал сомнений в его прочности – покрытый толстой, все того же серого цвета ковровой дорожкой, он не скрипел при ходьбе, да и вообще никак не реагировал на движения Ракитского. Комната была пустой и тихой, и, поначалу, поразившись ее странной отделке, Ракитский забыл про жар. Но жар не прекращался и даже усиливался. За окном раздался сильный взрыв.

– Джипу капец, – произнес он, выглянув в окно. Там дымились сгоревший корпус и обугленные детали автомобиля, разбросанные по двору. – Вы мне за это ответите, суки! – но тут же, едва сделал первый шаг к выходу из комнаты, как его снова позвали. Сомнений быть не могло: Ракитский слышал свое имя, и этот голос... голос, который теперь прозвучал громче,

и показался очень знакомым. Настолько, что он тут же, не раздумывая, бросился туда, откуда его услышал.

– Ну конечно! Там же дверь, как на втором!

Ракитский в два прыжка оказался в дальнем углу комнаты и, схватив струящуюся ткань, резко дернул на себя. Из проема вырвались языки пламени.

Тотчас вспыхнул очаг боли на левом запястье. Корчась, Ракитский упал на серую коверную дорожку. Ткань снова скрыла от него дверной проем, но жар был уже невыносим. Ракитский ошибся: загорелось не тело, а только часы. Большой циферблат охватило ровное и равномерное пламя. Теперь он больше напоминал газовую конфорку. На ремешке огня не наблюдалось, но он прогревался так сильно, что единственным желанием, на которое теперь оказался способен Ракитский, было срочно избавиться от часов.

Крича и матерясь, Ракитский принялся стучать часами по коверной дорожке в надежде сбить пламя, но оно словно не поддавалось никаким законам природы и жило само по себе – без Ракитского, его руки, всей этой комнаты, воздуха. Дорожка должна была уже воспламениться, изумился Ракитский, сбросив наконец часы. Ремешок оплавился, его давление на руку ослабло, и часы покинули своего владельца, похоже, навсегда. От злости Ракитский пнул их со всей силы, и европейский эксклюзив остался догорать в углу лесного дома, возле мерно колышавшейся серой ткани. Ракитскому остался огромный ожог, вздувавшийся на глазах: как ничто другое, он убеждал, что все происходящее в этом доме – не сон.

Не дав толком прийти в себя, дом напомнил Ракитскому о неминуемом следующем акте странного представления: его снова позвали. Он с криком ворвался в огненное помещение и ахнул: пламя осталось за спиной. В самой комнате огня почти не было – только небольшие очаги на стенах, полу, потолке и единственном окне крохотного помещения, расположенного вопреки всякой логике под «кабинетом» Ракитского. Все это было неважно – важен был человек, который сидел на крохотном стуле напротив.

– Я не могу выбраться отсюда. Ты меня выведешь, да ведь?

Перед ним сидела жена.

– Как ты сюда попала? – шепнул Ракитский, почувствовав, что куда-то пропал голос. – Тебя заставили? Кто тебя привез сюда, говори!

– Ты ведь меня не бросишь? – тихо спросила жена, странно раскачиваясь на стуле, словно не слышала его вопроса. – Ты меня выведешь?

– На втором этаже пожар, – монотонно говорила жена. – Ты, наверное, знаешь.

– Вставай! – Ракитский потянул ее за руку. – На первом, как видишь, тоже. Что здесь вообще происходит? Что ты об этом знаешь?

– Так ты меня выведешь? Или оставишь? Зачем ты сюда вообще приехал?

Он с ужасом понял, что жена давно уже должна была сгореть в этом странном доме, и так бы оно и случилось, не появившись он здесь вовремя. А если бы прошел мимо, не послушав того мужика! Что бы случилось, пройди он мимо?

– Дорога здесь не большая, – начал Ракитский. – Мы пройдем через стену огня, но ты не бойся: на нас не перекинется, – говоря это, он сам не до конца себе верил, но ... очень, очень хотел. – Здесь вообще огонь какой-то странный... А потом...

– Ракитский, – жена назвала его по фамилии, что обыкновенно ничего хорошего не предвещало, – это ты какой-то странный. Мы сейчас сгорим.

– Идем, – решительно произнес он.

– И еще, – сказала жена тихо. – Не оборачивайся.

– Что? – не понял Ракитский.

– Пока ведешь меня, не оборачивайся, понял?

В дальнем углу комнаты раздался грохот, и Ракитский с ужасом увидел, как отвалился кусок потолка: он не ожидал, что все зайдет так далеко. В образовавшийся провал рухнула

тумбочка, на ходу вытряхивая из ящиков всякий хлам. С тумбочки свалилась рамка с фотографией детей, Он вдруг остановился, вспомнив что-то важное.

– Они здесь?

– Нет, – ответила жена и зачем-то добавила: – Тебе лучше знать, почему.

Снова раздался шум, и Ракитский увидел, как по потолку поползла широкая трещина. Времени на раздумья больше не было. Он бросился в огонь, увлекая за собой жену, и через мгновение оказался в серой комнате. С удивлением и страхом обнаружил, что здесь стало куда больше огня. Сделал движение, чтобы обернуться к жене – преодолевая огненную стену, он отпустил ее руку, – но услышал строгий голос:

– Я же сказала!

Комната горела причудливым образом: огонь охватил ее всю, оставив небольшую дорожку, совершенно не тронутую пламенем. Дорожка не была прямой – извиваясь, она поворачивала вглубь огня, словно лабиринт, но у Ракитского не было выбора. Покинуть комнату можно было только так – остальные пути, в том числе и к окну, были отрезаны. Ракитский же надеялся только на чудо – что дорожка не оборвется посреди огня, не разойдется на две или три, а приведет именно к двери. Что пламя не замкнется за ними – а еще того хуже, между ним и женой. Но почему-то появилась уверенность, что если бы дом хотел убить его, то сделал бы это уже давно. Ракитский протянул назад руку, пошарил в пустоте, надеясь снова поймать ладонь жены, но лишь услышал нервный взлас:

– Пойдем же!

Дорожка плутала, и Ракитский совершенно не понимал, как она вообще уместается в пределах маленькой серой комнаты. Но тут впереди показался выход. Ракитский облегченно вздохнул и крикнул:

– Мы пришли!

Но ему никто не ответил. Он крикнул еще раз и почувствовал новый приступ страха. До выхода из комнаты оставалась пара шагов.

«Что-то случилось, – понял Ракитский. – Что-то случилось страшное». И он обернулся.

Больше всего он боялся увидеть перед собой стену пламени. Но вместо этого вдруг понял, что находится в совершенно другом помещении – словно не существовало ни дорожки посреди огня, ни серых стен, ни самого проклятого дома, ни взорванного джипа за окном. Собственно, этого больше и не существовало. Помещение, где он теперь находился, больше всего напоминало школьную рекреацию. Дул прохладный ветер, колыхались занавески, прикрывавшие огромное окно. Взгляд наткнулся на дверь с затертой табличкой «Библиотека».

Скованный и вконец напуганный, Ракитский не хотел смотреть назад. Ему было достаточно уже увиденного – к тому же, он решительно не понимал, *зачем и почему* видит все это.

На стене, рядом с библиотечной дверью висел большой информационный стенд, оклеенный иконами. Но это были не настоящие, храмовые иконы, и даже не такие, каким молятся в особом углу набожные семьи, – а просто вырезанные из газет и журналов репродукции икон. Статьи, размещенные рядом, повествовали, видимо, о житии святых, о соблюдении каких-нибудь церковных правил, или содержали тексты молитв. Отдельные фрагменты были написаны от руки. Ракитский поднял взгляд на верхнюю часть стенда, над которой располагалась продолговатая тусклая лампа, и прищурился.

«Бог есть любовь» – прочитал он, словно школьник, по слогам.

Слева от Ракитского, не оборачиваясь, прошел мальчик. Он был в вязанном джемпере и брючках и внешне походил на отличника, но то, что он, похоже, собирался сделать сейчас, никак не походило на поведение отличника. Похоже, мальчик находился в самом начале «подросткового периода» (как любят говорить взрослые). Достав из кармана черный маркер, «отличник» принялся перечеркивать тексты и лики святых крестами – не церковными,

а самыми обыкновенными, какими играют в крестики—нолики, но старался, чтобы каждый крест перечеркивал газетную вырезку полностью – от одного угла до другого.

– Эй, – тихо позвал Ракитский. – Слышишь меня, не надо.

Но мальчик не замечал присутствия еще одного человека. Когда Ракитский понял, что тот собирается сделать, то не захотел больше смотреть и резко отвернулся. Его взгляд оказался перед стеной, покрашенной в светло-зеленый цвет, каким обычно ученики размалевывают школьные стены. Черным маркером – таким же, как у мальчика – на стене было выведено единственное слово: «Смотри».

Когда Ракитский развернулся, стенд уже горел в нескольких местах. Пламя охватывало тексты, проглатывая их без всякого почтения и страха, и перекидывалось на строгие и умудренные жизнью лики святых. Те восприняли надвигающуюся катастрофу стоически, принимая – один за другим – мученическое уничтожение. Лишь печальные глаза Николая Чудотворца, как показалось Ракитскому, еще долго смотрели на него – уже не с иконы, а проступая из обугленного черного квадрата. Поглотив газетные вырезки, огонь принялся за сам стенд, но он оказался не таким податливым – чернел, но ярким пламенем не расцветал. По воздуху разлился ощутимый запах гари – это занялось пламенем огромное слово «Любовь». Мальчика поблизости уже не было.

«Убежал, засранец!» – решил Ракитский. Увиденное лишило его сил – он не стал обращаться, а просто попятился, словно желая наткнуться на мягкий диван, упасть в него и не вставать... очень долго не вставать и ни о чем не думать. Но тут наваждение кончилось, и Ракитский снова обнаружил себя в доме: он стоял в том самом предбаннике, но перед закрытой дверью – совсем как в тот момент, когда только вошел сюда. Неожиданно быстро очнувшись и забыв только что увиденное, Ракитский принялся дергать дверь, а затем и стучать по ней, но ничего не помогало – дверь была накрепко заперта, а изнутри никто не отзывался. Находиться в доме дальше было бесполезно.

Ракитский пребывал в смятении – он хотел выскочить во двор, схватить мужика в ушанке за грудки, прижать к стене и... Но последний эпизод – со школьной рекреацией и мальчиком, поджигаящим стенд, просто уже ну никак не укладывался в голове. Ракитский понял, что имеет дело с чем-то куда более серьезным, чем показалось вначале.

– Эй! – крикнул он, выбежав из дома. Мужик все так же сидел на лавочке с невозмутимым видом. – Может быть, ты объяснишь, что здесь происходит?

Мужик молчал и не двигался.

– Что за дела?! – разозлился Ракитский. – Дом горит, козел не видит?

Он отчаянно жестикулировал, показывая на пылающий дом. Пламя выедало его изнутри, оставляя несъедобную кожуру – кирпичную облицовку здания. Увидев, что пожар перекинулся и на первый этаж – вспыхнула кухня вместе со всей посудой и чаем «Весна», запылала лестница – Ракитский понял, что дому осталось совсем немного.

– Помогите же мне! – отчаянно заорал он. – Там вся моя жизнь горит! Там... там жена моя, слышите, слышите! Лесник! А! – Ракитский продолжал звать к сознательности странного незнакомца, но при этом не мог отделаться от внезапно охватившего странного чувства: будто все, что он произносил, насквозь фальшиво – возгласы, и жесты, и все поведение его здесь, и само присутствие. Его накрыло омерзение к собственным действиям, презрение к самому себе – настолько сильное, что Ракитского натурально затошнило.

– Это все нереально, – засмеялся Ракитский вслух. – Это все невозможно!

Впервые осознание *нереальности*, невозможности и даже глупости произошедшего переживалось Ракитским как спасительное – он цеплялся за нереальность как за соломинку. Потому что даже невозможность объяснения – это в какой-то степени объяснение. Он объяснял происходящее тем, что случилось невозможное, – и успокаивался.

Его развеселило то, что он не увидел во дворе никаких следов пожара, да и вообще присутствия своего джипа. А это наверняка означало, что никакого пожара не было! Что машина все так же ждет его возле снежной пустыни. Что сейчас он заведет ее и уедет. И никогда никому не расскажет о том, что здесь случилось. Могила!

– Баллон! – закричал, внезапно вспомнив, Ракитский. – Там на кухне баллон! Беги отсюда, мужик, ну че ты сидишь?!

Он трусливо отбежал от дома, снова крикнул неподвижному незнакомцу, а затем махнул рукой и быстрым шагом отправился по дороге, которая и привела его к этому странному месту. Чертыхаясь и ругая последними словами мужика, он внезапно подумал то, что не приходило в голову раньше: интересно, почему он вообще посчитал этого странного человека лесником? Разве в лесу можно повстречаться только с лесничим? Нет, ответил он сам себе: в лесу еще водится *леший*.

Отойдя на значительное расстояние от дома и ощутив, что страх отступает, он позволил себе повернуться. И понял, что взрыва не будет.

Дом стоял на прежнем месте, и в то же самое время это уже был не дом. Вернее, не тот дом. Остался кирпичный остов, обезображенный следами страшного пожара – но самого огня не было. Более того, весь внешний вид дома (а внутреннего просто не было: в пустых оконных проемах второго этажа зияла пустота, на первом росли мощные деревья, и их сильные ветви выдавливали кирпичи из кладки, постепенно разрушая стену) свидетельствовал о том, что сгорел он сотни лет назад, на заре времен. Нет, это было, конечно, преувеличением впечатленного Ракитского, но дом выглядел настолько старым, давно сгоревшим, что ожидать от него взрыва баллона с газом мог только идиот. Каким Ракитский и чувствовал себя теперь.

Дорога вела вперед, и усомниться в ее правильности, как и в том, что уже через какой-то час он будет мчаться по скоростной трассе, включит расслабляющее радио, приедет домой, успокоится, ну и так далее – так вот, усомниться во всем этом у Ракитского не было никаких причин. Но он все равно беспокоился: едва отойдя от страха, принялся «считать потери». Тут же вспомнил, что подарил *неизвестному* не только дорожные часы, но и зимний пуховик, оставленный в предбаннике, и шел сейчас в одном джемпере. Но при этом ему было жарко! Ракитский с удивлением заметил, что снега нет вообще.

Солнце светило ярко, деревья приоделись в нарядную листву – в общем, все как полагается для теплого времени года. И это при том, что Ракитский приехал сюда в лютый мороз... так что же случилось? Страх, пусть и сиюминутный, и не такой всепоглощающий, как в доме, но все же ощутимый, сильный страх вновь подступил к горлу. Ведь не могла же за пару каких-то часов наступить весна? Даже и после такого пожара – это ж не на атомной электростанции, в конце концов, пожар! Значит, со временем было что-то не так. Со временем – или с ним самим?

Ракитский боялся признаться себе, что сейчас, идя по этой дороге, выбираясь из леса, как выбираются из передраги, он больше всего на свете хотел бы верить, что все нереальное, невозможное, странное и пугающее осталось в том доме, сгорело вместе с ним, и что сейчас, шагая по дороге своим обычным шагом – а Ракитский старался, чтобы это был его обычный, уверенный шаг – он идет по реальному миру, по твердой земле, где все изучено, известно, понятно. Весна давала трещину в этом герметичном скафандре, разрушала хрупкую уверенность, и разреженный воздух врвался внутрь, не давая дышать.

Когда чего-то ждешь – оно и случается. На что настраиваешься – то и происходит. Не зря этим истинами его потчевала жена, как горячими пирогами (которые, кстати, готовить не умела. А зря, Ракитский предпочел бы пироги). Да и все карьерное восхождение сопровождалось бесчисленными тренингами, где твердилось одно и то же – в том числе и это. А чего он ждал? Что лес «захлопнется» за ним, отрезая путь, хотя и ненужный, но всяко *лишнюю* возможность *убежать* – к заброшенному дому? А впереди – прямо, что называется, по курсу

окажется круглая полянка, лишенная растительности, но полная гнилых пней с торчащими из них омерзительного вида грибами. Если верить жене и тренингам, Ракитский ждал именно этого.

И перед ним снова стоял мальчик. Этот был младше, чем поджигатель. На вид – лет десяти.

«Так и будут мальчики, что ли, в глазах?»

– Ты заблудился? – произнес Ракитский, и тут же ощутил всю невыносимую тяжесть, с которой навалилась на него бессмысленность вопроса. Ведь *кто здесь заблудился* – было очевидно.

– Тебе надо убить меня, – произнес ребенок ровным голосом.

– Что? – Ракитский не поверил своим ушам. Ему стало вдруг холодно, словно подули со всех сторон неведомые ветра.

Цветовая гамма поляны сильно изменилась, будто бы он съел тех странных грибов, что торчали из пней. Ребенок был бледен, словно покойник. Низкая трава на полянке, да и вообще вся зелень на заднем плане – там, где начинался лес, приобрела яркий, кислотный злобный окрас. Губы мальчика были фиолетовые, такого же цвета были ягоды на странных кустах, которых Ракитский не видел еще секунду назад. Грибы приобрели ярко-оранжевый оттенок, а сами трухлявые пни – иссиня-черный, как жук-чернильница. В таких обстоятельствах только и оставалось, что бросить отчаянный взгляд в небо. Но и там не нашлось утешения: оно было белым, как свежая, только взявшаяся на огне яичница, и солнце болталось в нем желтком, грозящимся вытечь на голову Ракитскому огненной лавой.

«А мальчик этот – как в японских фильмах, – содрогнулся Ракитский. – Вот сейчас исчезнет там, где стоит, и возникнет прямо передо мной. Господи, что ж за ужас!»

Но мальчик не был японцем. И он оставался на месте. Ракитский начал присматриваться к нему, силясь вспомнить – или хотя бы придумать – кого тот напоминает. Так было бы легче, уверял себя Ракитский – понимать, с кем имеешь дело. Но пока что он не понимал.

– Убей меня, – повторил мальчик. И Ракитский представил, что вот сейчас изображение покроется рябью, в каком-нибудь месте прорвется, мальчик замрет, будто поставленный на паузу, и по нему, точь-в-точь как по серой ткани в том доме, пойдут волны. Но этого не происходило, и все, что наблюдал Ракитский, только становилось все отчетливее – и реальней.

– Но я не хочу, – растерянно развел руками Ракитский. – У меня нет желания тебя убивать.

– Я тоже не хочу, – насупился мальчик. – Но я покажу тебе что-то, и ты захочешь.

– Я? Захочу убить ребенка? – изумился Ракитский.

Ощущение реальности исчезло окончательно. Теперь Ракитский знал, что возможность покинуть лес – совершенно не в его власти, или – если выразиться точнее – компетенции. Если захочет Лес – он не выберется отсюда никогда, так и будет блуждать от одного страха к другому ужасу, и будет это мальчик с синими губами или полыхающий дом – не так уж важно. Ему нужно сделать так, чтобы Лес *захотел* его выпустить. Таких задач Ракитский в своей жизни не решал, да их никто перед ним и не ставил. Что ж, это вызов, подумал он, покорно следуя за мальчиком.

Лес ли управлял мальчиком, или мальчик Лесом, было опять же не важно, рассуждал Ракитский, ускоряя шаг: ребенок оказался проворным. Очевидным было одно: и мальчик, и Лес – одно целое. Оставался единственный выход – не бояться странного мальчика, пусть он и производил впечатление мертвеца, который, к тому же хочет, чтобы его снова убили.

Внезапно лес закончился. Точнее, остался весь за спиной Ракитского – впереди расстиралось огромное зеленое поле, на котором вместо пней и грибов тянулись к небу рассаженные рядами цветы. По всей видимости, о них заботились: своевременно поливали, подрезали, подвязывали или что там еще делают с цветами – в этом Ракитский разбирался смутно. Бескрай-

няя цветочная поляна была разделена ровно посередине (что, конечно, было иллюзией, но для Ракитского все выглядело именно так) узкой асфальтовой дорожкой, уходившей к горизонту, будто взлетная полоса. Мальчик наклонился к асфальту и шевелил руками, будто пытался передвинуть какой-то предмет, скрытый от взгляда Ракитского, и произносил неразборчивые слова.

– Эй! – крикнул Ракитский и удивился, как прозвучал его голос. Словно бы исходил из жестяной банки, но при этом каждый звук сопровождало раскатистое эхо. – Что ты там делаешь?

– Смотри, – мальчик выпрямился во весь рост и поманил пальцем. – Подойди сюда.

Взору Ракитского явилось кошмарное зрелище. Невысокий забор огораживал квадрат асфальта. На заборе мерцали красные фонари – аварийные, понял Ракитский. Он подошел и присмотрелся.

На асфальте лежал кот. Обыкновенный, черный с небольшими вкраплениями белых пятен, разве что крупный. Такие коты встречаются в городе, но встречаются нечасто – и совершенно непонятно, пока не потрогаешь кота, за счет чего он кажется таким огромным – то ли пушистый, то ли откормленный. Но при взгляде на этого кота, к которому уже нагибался, не веря своим глазам, Ракитский, возникали совершенно другие мысли.

Кот посмотрел в глаза подошедшему человеку, казалось, чуть подняв голову, и это движение далось ему нелегко. Взгляд выражал тихую боль, и в то же время спокойствие – Ракитский никогда не мог бы понять, как это может сочетаться, не понимал и сейчас, но в глазах кота увидел именно сильную, непрекращающуюся и не имеющую шансов прекратиться монотонную боль. Эта боль связывала его с жизнью – будучи единственным, благодаря чему бедное животное еще могло чувствовать себя живым. И в то же время в не потерявших ясности синих глазах кота читалось невероятное, противоестественное спокойствие, отражалось белое, молочное небо, по которому летел, сверкая красивыми праздничными крыльями, серебристый самолет. Кот перевел взгляд на небо и сфокусировался на нем – о чем свидетельствовали расширившиеся зрачки и чуть заметное движение ушами. Из-под кошачьего тела с поджатými лапами и недвижимым хвостом, растекалась по горячему асфальту маленькая лужица крови. Шерсть и передние лапы были пропитаны кровью, и кот, медленно опуская голову, лизал лапку, но его сил не хватало надолго, и он прекращал, беспомощно глядя перед собой.

На глаза Ракитского помимо его воли навернулись слезы.

– Что это? – спросил он мальчика, только чтобы не молчать.

– Перестань, – все таким же ровным голосом ответил мальчик, наклоняясь к коту. – Ты все сам знаешь. Это ведь я сделал. Я убью его. А ты – убьешь меня.

– Зачем ты... – начал Ракитский, но не договорил, застыв в ужасе: мальчик бесцеремонно схватил кота двумя руками и резко оторвал от земли. Лапы животного разошлись в стороны и застыли параллельно земле, выпустив острые коготки. Но казалось, что тело кота делает это движение само – рефлекторно, словно прощаясь с жизнью и понимая, что это ничем не поможет, но оно так привыкло, тело. А что чувствовал в этот момент сам кот, невозможно было представить.

Ракитский зажмурил глаза и отвернулся, но перед этим отчетливо увидел, как хлынула огромная кровавая струя из тела животного и показались наружу оголенные кости, и внутренние органы вываливались наружу, болтаясь на проводах кишок. Затем он услышал, как тело кота плюхнулось на асфальт, издавая хлюпающие звуки. К этому моменту Ракитский всей душой мечтал, чтобы кот оказался мертв.

– Зачем ты его убил? – ошеломленно спросил Ракитский, не поворачиваясь к мальчику.

– Он мне мешал, – простодушно и даже весело ответил тот.

– Мешал? Как? – произнес Ракитский, чувствуя, что его сильно тошнит и вот-вот вырвет.

– Я не знаю, – сказал мальчик. – А вот ты, может быть, знаешь?

– Нет, – закричал вдруг Ракитский. – Катись ты к черту, придурок! Я не хочу, не хочу, не хочу!

Он вскочил и побежал.

Лес не расступался перед Ракитским, как совсем недавно перед мальчиком, и ему приходилось перескакивать через коряги, пни, рухнувшие стволы, кочки и заваленные ветвями ямы. Пару раз он упал, разодрав в кровь ногу, но желание оказаться как можно дальше от ужасного места побеждало любые другие чувства – и страх, и боль, и ненависть, которая росла с каждой секундой. Ненависть к самому себе. Упав в очередной раз и пытаясь подняться, Ракитский обнаружил себя лежащим возле ног какого-то человека. Удивляться и кричать уже не было сил, и Ракитский просто посмотрел на незнакомца – жалобно, затравленно.

В первый миг показалось, что перед ним все тот же лесник (или леший), который заманил его в страшный дом. Мозг среагировал грязным и коротким ругательством, которое, только что не было произнесено вслух. Человек же, напротив, проявил видимое благородство: протянул упавшему крепкую руку и помог встать.

– Сила у тебя богатырская, лесничий, – тяжело дыша, произнес Ракитский, пытаясь улыбнуться.

Новый «лесничий» сидел на толстом бревне. Кто он: хозяин этого леса? Хранитель? Еще того хуже – дух? – мрачно размышлял Ракитский, отряхиваясь.

Вдруг он понял, что это совсем не тот человек, который сидел возле дома – хотя и похож, но не он. Моложе, одет проще. Борода короче, дурацкой ушанки нет, зато есть густые выющиеся волосы. На руках какие-то странные перстни и фенечки – в этом Ракитский никогда не разбирался. На ногах – оранжевые кеды. Человек выглядел «демократично», как называл это сам Ракитский и, опять же, «продвинуто». Он был слишком опрятным для лесного жителя, и это казалось главной загадкой.

– Похоже, ты сбился с пути, – медленно, с расстановкой произнес человек. – И мой долг – вернуть тебя туда, где ты и должен пребывать сейчас.

– Послушайте, – сказал Ракитский жалостливо, но в то же время возвращаясь к деловому тону. – Это какая-то ошибка. Я должен пребывать сейчас дома. А вообще, знаете, я пребываю в отпуске... И мне бы совсем не хотелось...

– Вот то, что тебе не хотелось, ты сейчас и объяснишь, – мягко произнес человек и указал рукой за спину Ракитского. Тот повернулся и вновь увидел мальчика, стоявшего на линии асфальта между двух бескрайних полей. Рядом с ним лежал в черной кровавой луже, теперь уже казавшейся огромной, все тот же кот. Ракитский содрогнулся, осознав вдруг, что кот еще жив.

– Тебе нельзя уйти, – сказал человек, поднимаясь с бревна.

– Почему мне нельзя уйти? – тупо переспросил Ракитский.

– Я не разрешаю! – раздался резкий голос мальчика за спиной. – Потому что я жив. Убей меня, и все изменится.

Ракитский почувствовал, что действительно готов задушить юного мерзавца голыми руками или забить до смерти, или... да все, что угодно. Но понимал: что-то здесь было не так. Он не мог тронуть мальчика и отчетливо понимал причину – *почему* не может этого сделать. Именно эта причина и приводила в ужас. Он хотел сделать что угодно, лишь бы облегчить страдания бедному коту.

– Лапушка, лапушка, ты разбился, – тихим голосом заговорил Ракитский, протягивая руку к коту. Он мог бы удивиться сам, откуда взялось вдруг в его голове это слово «лапушка», словно очнулось после долгих, длинной во всю его жизнь сна, со времен, когда Ракитский был совсем мал – гораздо моложе, чем этот безумный мальчик. Тебя же должен был спасти хвост, у вас же, котов, такие хвосты...

Внезапно вспыхнула мысль, показавшаяся спасительной.

– Нет. Тебе не больно! Это же все нереально, этого нет, нет. Это все Лес. И нет ни тебя, ни твоей боли. Это все Лес – и я.

От этой мысли Ракитскому стало легче, и он с надеждой посмотрел на мальчика и стоявшего за ним мужчину. Эти двое, казалось, и не подозревали о существовании друг друга, хотя их разделял какой-то метр, и оба говорили с Ракитским.

– Ты прекрасно знаешь, что это не так, – произнес мальчик. – Даже если этого и нет сейчас, то это было. Но, как видишь, это есть и теперь. Нет декораций, – он выдержал небольшую паузу. – но есть кот и ты.

– Да, – произнес человек в оранжевых кедах. – Ты стал таким потому, что даже ничего не помнишь. И как-то живешь с этим.

– Я... – залепетал Ракитский, поднимаясь. – Я немного помню... Вспоминаю. Но я не хочу... Не хочу!

– Обернись! – приказал человек грозным голосом, и Ракитский увидел, что больше нет никакого бескрайнего поля, нет асфальтовой дорожки, ведущей в никуда. Пространство вокруг вновь приобрело новую форму, что уже становилось привычным за сегодняшний день.

– Боже, боже, – только и проговорил Ракитский.

Он находился перед подъездом обыкновенного жилого дома – типовой двенадцатиэтажки, какими застроен не один город. Но для Ракитского эта двенадцатиэтажка не была обыкновенной – он ее сразу же узнал.

– Этот кот летел с крыши, – произнес мужчина. Взглянув на него, Ракитский понял, что тот если и старше него, то совсем ненамного: лет на пять максимум. Почему эта мысль пришла именно сейчас? Наверное, чтобы отвлечь от ужаса, который предстояло увидеть и пережить. – Восстановим траекторию.

При этих словах произошло невероятное: кот, который уже казался мертвым, вдруг резко оторвался от земли, причем кровавая лужа под ним исчезла, не оставив и следа. Кот взмыл над землей, застыв на уровне середины здания. Что он ощущал в этот момент, Ракитскому было сложно представить.

От неподвижно висевшего кота резко прочертилась жирная красная линия. В полуметре от того места на асфальте, где только что он лежал, она превратилась в стрелку, указывающую на место происшествия. Ракитский захотел притронуться к стрелке, ощутить ее реальность, но сдержал себя, осознав, насколько глуп подобный порыв. Подняв голову, увидел вторую линию. Она была более изогнутой, и на конце ее не было стрелки: линия исчезала в раскрытом подъездном окне самого последнего этажа.

– Это было лишним, – сказал Ракитский. К моменту, когда перед ним возник подъезд дома, в котором он прожил немало лет, он уже все понимал без лишних пояснений.

– Тогда прошу, – человек в оранжевых кедах изобразил крайнюю степень любезности, открыл дверь подъезда и жестом пригласил Ракитского внутрь.

Войдя, они тотчас оказались на небольшой площадке, словно не существовало лестниц и лифтов, и необходимости ими пользоваться.

Площадка представляла собой бетонный пол, исписанные непотребностями стены, окно с треснувшими стеклами и трубу мусоропровода. За спиной Ракитского находилась ржавая лестница, приваренная к стене – она вела на крышу, но люк был запаян. Ракитский знал, что на такие технические площадки под самой крышей теперь не допускают жильцов – как правило, лестницы огораживают на верхнем этаже дома решеткой и запирают на засов. Он бы с радостью перекрыл доступ и сейчас, но ему отводилась роль наблюдателя.

Наблюдал же он следующее: с двенадцатого этажа к технической площадке, поднимался тот же бледный мальчик. Шел, держа в руках огромного кота. Было видно, что мальчику тяжело, но он пытался и удерживал кота все крепче. Ракитский всем сердцем почувствовал неминуемость, неотвратимость происходящего. Он вдруг вспомнил свое детство: а ведь этот

возраст, когда он был им – этим мальчиком, который несет животное навстречу верной смерти – ведь этот возраст тоже называется детством?

Он так часто вспоминал детство – особенно в теперешней жизни, где все стремительно разлаживалось, трещало по швам. Вспоминал тоскую, как делают это все тридцати-с-чем-то-летние – ну или те, которых он знал. А люди старшего возраста, так и подавно. Все скучают по детству, думал Ракитский, глядя, как пристраивается мальчик к окну, прижав кота к трубе мусоропровода и крепко удерживая одной рукой, а другой поворачивая ручки, почерневшие от потушенных сигарет... По безоблачному, солнечному детству, в котором все было слишком хорошо – и слишком беззаботно, чтобы когда-нибудь о нем забыть. Но что если у каждого – поразила его жуткая догадка – на цветущей поляне детства лежит, в забытии пытаюсь зализывать страшную рану, смертельно раненый кот? И обносится это место забором с двумя красными фонарями и предупреждающим знаком: «Сюда нельзя». Вот и все, разве этого недостаточно, чтобы наслаждаться детством дальше, чтобы продолжать скучать по нему? Скучать безболезненно, словно бы и не летел кот, словно бы кота и не было...

«Но ведь я не огораживал, – думал, оторопев, Ракитский. – Я действительно просто не помнил. Как будто бы это и вправду не я. А что, разве это я?»

– Мерзавец ты херов, – сказал Ракитский и удивился тому, насколько слабо и тихо прозвучал собственный голос. – Зачем ты это делаешь?

– Я не знаю, – ровным, лишенным эмоций голосом ответил мальчик, не обернувшись. Кот, которого он выталкивал за окно, отчаянно цеплялся когтями за деревянную раму. Но даже они – крепкие, острые – не могли защитить от обезумевшего человеческого детеныша, не соображавшего, *что* он творит. Мальчик оттолкнул кошачью лапу, и с этой секунды уже ничего было не исправить.

– Так ты убьешь меня, нет? – с вызовом спросил мальчик. – Тогда я пошел.

Ракитский сделал шаг к окну, чтобы посмотреть вниз, затем еще один, и с удивлением понял, что чем ближе подходит, тем выше становится окно – или... или тем меньше становится он сам? Он испуганно взглянул на мужчину в оранжевых кедах.

– Почему я это вижу?

– Нипочему, – развел руками тот. – Ты просто в Лесу. А Лес ничего не хочет показать, он просто есть. Это ты в нем хочешь что-то увидеть.

– Откуда тебе это известно? Про кота вот этого? Я был совсем еще мелкий – ты ж сам видишь, какой. Я любил котов. Меня родители учили... – он запнулся. – Ну, любить котов учили. Воспитывали. Но улица... Она была совсем другой. Я хотел, чтобы во дворе со мной играли, чтобы меня, как это называется... приняли. А дети – ну, они же просто так не принимают.

Человек из леса молчал, сложив руки на груди, и никак не реагировал на слова Ракитского.

– Они сидели в закутке, возле колонки... Ну, там колонка когда-то старая была. И у них был штаб. Тогда у всех детей был штаб. Из старых тряпок, простыней, натянутых на палки, из картонок, фанеры – в общем, кто что мог найти – сооружалась такая палатка, и там все сидели. Чтобы тебя приняли, признали своим, да и вообще пустили в этот штаб, ты должен был им что-то сделать... Или принести. А мне принести было нечего...

– И ты решил убить кота, чтобы тебя приняли в штаб? – хитро спросил собеседник.

– Ну нет же, нет! – отчаянно заговорил Ракитский. – Меня бы и так приняли. И так приняли... Там всех принимали в итоге, но я же не знал. Просто... Был обряд первого посвящения. Они мне сказали... Точнее, не сказали, а я увидел... Как они ловят котов. Они прикрепляли еду, там, какое-нибудь мясо на веревку, кот проглатывал, и оказывался, ну, в общем, с веревкой внутри. И его можно было дергать. Пока веревка не вылезет. Кот очень страдал, и я говорил им: вы что, мол, ребзя, с дуба упали, котов мучить? Ну а чем еще заниматься... И

потом я увидел такое... Они выкалывали коту глаза, а потом забивали его палками. Этого я не мог стерпеть, и полез драться.

– Ты благородный, оказывается, человек, – покачал головой собеседник.

– Да помолчи ты, мать твою! – взорвался Ракитский. – Послушай! И тут они сказали мне: ты посмотри на всех наших котов. Не находишь ничего общего? Я стоял и не понимал: кроме жестокой участи, бедных котов ничего не объединяло. Они все черные! – торжествующе сказала одна девочка. А она мне нравилась очень... Но это неважно, наверное. Ну так вот, говорит она: черные коты – это не коты вовсе, и поэтому их не жалко. Черные коты – это переродившиеся ведьмы. Ну а поскольку совсем черных котов у нас не было, такими считались и те, которые... как это, черно—белые, трехцветные, всякие, в общем, главное, что с черным. Да и потом, сказала она: ты же хочешь, чтоб тебя приняли?

– Ну, и ты, конечно, говоришь: да, – торжествующе произнес человек из леса.

– А что я должен был сказать? Я был ребенок! Я хотел быть со всеми. Быть одному – это вообще самое страшное для ребенка. Стать изгоем. И я решил, что придумаю смерть для кота такую, чтоб у него был шанс. Я понимаю, что это звучит глупо... глупо и дико... как и вообще, блин, все, что сейчас происходит. – При этих словах на глазах Ракитского появились слезы, но он быстро вытер их, чтобы человек напротив не заметил, и продолжил как ни в чем не бывало. Офисная жизнь приучила скрывать стресс. – Но я хотел, чтобы меня приняли, и чтобы кот... Ну, я читал в раннем детстве, и родители говорили... Что коты умеют летать.

– Ну надо же! – не сдержался собеседник.

– Да я дебил ведь был! – в сердцах воскликнул Ракитский. – Ну не сейчас же я, не в тридцать три года кота из окна сбросил. А тогда... Я верил, что с этим котом ничего не станет. Не думал, что он будет чувствовать боль... Вообще ни о чем не думал! Я – честно – просто очень хотел, чтобы меня приняли. Они ведь не каждый день котов убивали. Там приключения были... разные.

– Но получается, что, если бы кот вскочил и побежал, ты бы не выполнил задание, и тебя никто не принял бы. А значит, ты хотел, чтобы кот разбился? Твоя цель была именно в этом?

– Я забыл! – закричал Ракитский. – Забыл о том поганом случае, об этом мальчике—мудаке. Я же не он. Не он! У меня жизнь такая. Я забываю многое. Памяти, блин, на все не хватает. Не резиновая! Но про этого кота я и не хотел вспоминать. Я был счастлив без этих воспоминаний, понимаешь? Что толку, что я это снова увидел, пережил?

– Все дело в том, – медленно начал собеседник, – что тебе наплевать на все. Потому и не резиновая память. Ты не узнал ни кота, ни себя – ты даже меня удивил, понимаешь? Я ведь должен был появиться намного позже. А когда ты понял, то струсил и убежал. Потому что тебе насрать на то, как ты выглядел раньше, ты даже фотки свои не смотрел – ты и не помнишь, каким ты был мальчиком. И что делал в молодости, в детстве. На все плевать! – он покачал головой. – А ведь это все ты. Ты, и никто другой. И теперь, думаю, не забудешь.

– Вот уж спасибо, – зло сказал Ракитский. – Ну, я-то забыл, ладно. А ты откуда знаешь? И как это все здесь... проявляется? Ведь это же... Это же я не знаю, что такое! И про кота этого, и про поджог! А знаешь, почему был тот поджог! Да, это тоже я. И тоже, представь себе, забыл! Зачем это все вообще помнить? Меня родители с раннего детства учили молиться. Я наизусть знал молитвослов. Библию перед сном читал – без этого спать не давали. В церковь таскали! Я верил, пока был совсем маленький. Я очень верил в Бога!

– Что не мешало тебе убивать котов, – язвительно заметил собеседник.

– Послушай! Там так все горело потом, ужас! Пожарных вызывали... Мне стыдно, да! Говорю тебе честно: мне стыдно. Но я так наелся этим Богом, этими святыми. Меня и в школе заставляли все это учить, водили в церкви опять – но уже всем классом – сгоняли после уроков в актовый зал – священников слушать. И когда я это сжигал... Я не просто ведь так. Я сжигал в тот момент то, во что больше всего верил. Это был протест такой – да, я верю в Бога, люблю

Бога, но отстаньте уже от меня, дайте мне верить как я верю, прекратите меня кормить всем этим... до рвоты. Я верил в Бога, но не верил им всем. И стенду этому не верил. А сейчас... я ни во что вообще не верю – вот чего они добились. И я сжигал тогда то, что для меня было самым ценным, самым, бляха-муха, важным. Потому что все это навязывалось! А сколько мне было? Четырнадцать. Только начиналось все, вся эта подростковая херня.

Ракитский только сейчас обратил внимание на лицо собеседника. Человек смотрел изумленно, даже борода взъерошилась от удивления. Хотя Ракитскому казалось, что удивить очередного «лесника» его земными откровениями попросту невозможно.

– Про поджог я ничего не знал, – задумчиво произнес человек в оранжевых кедах. – Был другой месяц.

– Месяц?

– Да, месяц. Но я ничего и знать не хочу. Не мое дело.

– Вы, кстати, похожи, – решился Ракитский. – На того, возле дома... Только тот был старше и мрачнее, что ли.

– Сейчас апрель, – меланхолично продолжал собеседник. – Тогда был март.

– И что? – Ракитский снова вспомнил: когда он приближался к странному дому, еще кое —где лежал снег, а вот когда выходил – снега уже не было. А над поляной, и когда он сидел возле кота, вовсю жарило солнце. Но ведь он же приехал сюда поздней зимой!

– Времени осталось немного, к сожалению, – произнес тот, заметив жест Ракитского. – Но это у меня. А у тебя еще полно.

– Ты кто вообще? – как можно тверже спросил Ракитский.

– Этот вопрос здесь задаешь не ты, – усмехнулся собеседник, разглаживая бороду. — Этот вопрос задает Лес. А ты – отвечаешь. Ну а все, что должен знать о тебе я, то я знаю, Кот! Этого знания достаточно.

– Но я – это не только... – вырвалось у Ракитского. – Я был другим, дети жестоки, разве ты не знаешь?

– У любого зла есть имя, – вздохнул собеседник, приближаясь к окну. Сначала Ракитский подумал, что человек-из-леса идет к нему, но тот сделал широкий шаг и перекинул ногу через окно. – У этого – имя твое, – сказал он на прощанье и исчез.

Ракитский вышел из подъезда, перед ним стоял стеной лес. Было страшно заходить туда, но и возвращаться назад было глупо – теперь подъезд был не более чем декорацией, на фоне которой уже произошло все, что должно было произойти. Здесь важно движение, бесконечное путешествие, понял Ракитский. И надежда, что однажды это путешествие приведет его к чему-то светлomu – например, выходу из этого долбанного леса.

Конечно, это уже не был тот лес – утренний, куда он приехал отдохнуть от жены и проблем. Но все же это был лес. И прямо перед ним торчал широкий пенёк – как будто специально его и ждал.

Но едва Ракитский подошел, как реальность тут же снова переменялась. Он подскочил на месте – все-таки так резко мир еще не преображался. «Наверное, Лес никогда не перестанет удивлять», – подумал Ракитский, изумленно глядя на то место, куда только что собирался присесть. Теперь это был вовсе не пенёк, а черный швартовый кнехт, по размеру вполне сопоставимый с пнем. Такое приспособление используют матросы, бросая на него толстые канаты, чтобы пришвартовать небольшое судно. Оторвав взгляд от кнехта, Ракитский отчего-то сразу же догадался, что увидит вокруг.

И понял, что Лес его чувствует. Что мысли и воспоминания, которые рождаются в глубинах сознания, и на которые, что самое паршивое, нисколько невозможно повлиять, – становятся известны Лесу очень быстро, считываются им. Хотя ассоциация с лесом – последнее, что могло прийти в голову любому человеку, который оказался бы в этом месте. Перед глазами Ракитского плескалось море, отражая солнечные блики, а прямо за спиной начиналась

прибрежная улочка из одноэтажных домов. Он сидел на причале в маленьком приморском городке, и, конечно же, хорошо знал, что это за городок. И что он увидит, если пройдет по улочке, а потом свернет налево, и еще немного пройдет и наконец поднимется в гору. Это место в последние годы Ракитский видел все чаще. Но видел только в снах.

Наученный жутковатым опытом, приобретенным в последние часы, Ракитский не давал себе расслабиться: понимал, что Лес не даст свободы. Что даже прекрасный вид на маленькие домики, расположенные прямо на побережье, где прямо из калитки видны море, прыгающие с причала детишки, сверкающий где-то вдали катер и великолепное южное солнце, освещавшее идиллическую картину – это лишь паутина, коварно расставленная спрятавшимся где-то терпеливым пауком. На сей раз он даже догадывался, где прячется этот паук. Да, именно там – если пройти, свернуть и подняться. Это место было слишком хорошо знакомо Ракитскому. Он не делал здесь зла. Он был счастлив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.